Маргарита Григорьевна Иванова,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, ученый секретарь Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, известный ученый в области средневековой истории и культуры финно-угорских народов России. Отмечена Всеудмуртской Национальной премией «Достояние поколений» в номинации «За внедрение новых технологий в практику археологических исследований», Государственной премией Удмуртской Республики в области науки, Премией Правительства Российской Федерации в области культуры. Особенно значительны ее труды, посвященные средневековому центру удмуртов – городищу Иднакар IX-XIII веков. Обширные материалы этого уникального памятника позволили создать в Глазове первый музей-заповедник средневековой культуры финно-угорских народов России.

Василий Михайлович Ванюшев,
член Союза писателей Российской Федерации, доктор филологических наук, действительный член Международной педагогической академии, главный научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, профессор Удмуртского государственного университета, лауреат Государственной премии Удмуртской Республики и Всечувашской национальной премии им. И. Я. Яковлева, заслуженный работник культуры и заслуженный деятель науки Удмуртии, заслуженный работник культуры Чувашии, почетный гражданин Кизнерского района Удмуртии. Известен как публицист, литературовед, критик и поэт, пишущий как для детей, так и для взрослых на удмуртском и русском языках.

Василий Ванюшев

УДМУРТ ВЫЖЫ КНИГА

LE LIVRE DES RACINES DES OUDMOURTHS

КАК БУДТО КНИГА БЫТИЯ

Василий Ванюшев

УДМУРТ ВЫЖЫ КНИГА

LE LIVRE DES RACINES DES OUDMOURTHS

КАК БУДТО КНИГА БЫТИЯ

Ижевск
2012

УДК ФС
ББК 82.3 (2Рос–Удм)
В 17

Рецензенты:
Т. И. Белова, кандидат педагогических наук,
зав. кафедрой романской филологии ИИЯЛ УдГУ;
И. А. Фёдорова, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
романской филологии ИИЯЛ УдГУ

Ванюшев В. М.

В 17 Удмурт Выжы Книга (Иднакарын)= Le livre des racines des Oudmourths (sur Idnakar)=Как будто Книга Бытия (на Иднакаре): поэма на удм., франц., рус. яз.; пер.на франц. Н. П. Долгиной; пер. на рус. А. И. Демьянова; худож. оформление В. И. Михайлов. – Ижевск, 2012. – ??? с. с илл.

ISBN

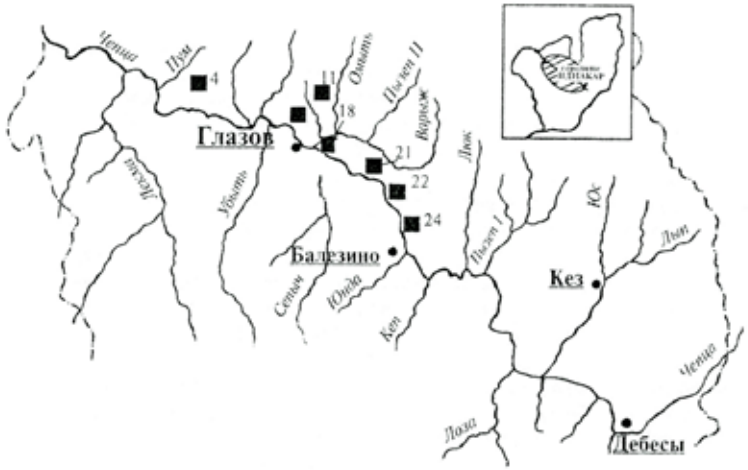
Поэма доктора филологических наук, народного писателя Удмуртии В. М. Ванюшева, составившая содержание книги на трех языках, отображает многомерный, историко-философский и лирико-драматический взгляд автора на народную жизнь. Этому способствует не только изображенный мир древних удмуртов в восприятии нашего современника, но и полифония произведения, многозвучная, «текучая» интонация изложения.

Книга адресована широкому кругу читателей. Она окажется особенно полезной для студентов, занимающихся изучением сравнительной лингвистики и литературы.

УДК ФС
ББК 82.3 (2Рос–Удм)

© Ванюшев В. М., 2006, 2012.
© Демьянов А. И., пер. на рус. 2006, 2012.
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2006, 2012.
© УИИЯЛ УрО РАН, 2006, 2012
© Долгина Н. П., пер. на фр. яз., 2012.
© Михайлов В. И., худож. оформление, 2012.
© Зуева-Измайлова А. С., послесловие, 2012.

ISBN



Марӟанкар – Мардзянкар – Mardjïancar

Марӟанкар шуыса нималозы вал Чупчи котырысь удмурт батыръёслэн каръёсынызы тырмытэм шаеръёсты. Соос пӧлысь тужгес даноез – Иднакар. Вылын пусъемсын 18-тй номерен. Татысь ик адӟиськомы Дондыкарлэсь (11), Весьякарлэсь (21), Гурьякарлэсь (22), Узякарлэсь (24), Эбгкарлэсь (9), Чибинькарлэсь (4) интыоссэс. Ваньзы соос юн герӟаськемын вал Иднакарен.

(Басьтэмын таӵе книгаысь: *Иванова М. Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – С. 7.)

Мардзянкар (букв.: бисер+городище) – так называли причепецкие края, изобилующие карами-городищами, носящими названия, произошедшие от имен древних удмуртских батыров. Наиславнейший из них был Иднакар. На схеме место расположения его отмечено цифрой 18. Здесь же мы видим места Дондыкара (11), Весьякара (21), Гурьякара (22), Узякара (24), Эбгакара (9), Чибинькара (4). Все они были тесно связаны с Иднкакаром.

(Схема позаимствована из книги: *Иванова М. Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – С. 7.)

Mardjïancar (grains de verre + vestiges d'une ville) – on nommait ainsi les régions des bords du fleuve Tcheptsa abondant des cars–vestiges des villes qui portaient les noms des anciens batyrs oudmourths. Le plus glorifié est Idnacar. Sur le schéma le lieu de son disposition est marqué par le chiffre 18. Nous voyons aussi les lieux de disposition de Dondycar (11), Vessïacar (21), Gouriacar (22), Oujïacar (24), Ebgacar (9), Tchibincar (4). Tous ces cars étaient étroitement liés avec Idnacar.

(Ce schéma est pris du livre: *Иванова М. Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – С. 7.)

УДМУРТ ВЫЖЫ КНИГА
(Иднакарын)

Вашкала мадёнъёс, архивъёс, книгаос,
Экспедициос котькуд гужем…
Выжымес утчаськом, люкаськом тодонъёс:
Вылезлы ошмес син кадь – вужез.
Дуннелэн туж пёртэм но паськыт шаерез
Сюрс пёртэм калыкен пачылме.
Туннэен герӟаськом вашкала даурез,
Дуннеен мертаськом калыкмес.

М. Г. Ивановалы

Бадӟым книга кадь
Та удмурт музъем.
Кӧня даур
Пычатэмын пушказ?
Кӧня вормон но
Кӧня куректон
Музъем вылын
Шукыръяськиз-куашказ?!

Бамен, бамен
Тон усьтйськы, книга!
Тон возьматы
Пыдлось выжыосмес.
Мар бордысен
Удмурт выжы уда?
Кытысь потэ
Туэ удмурт ошмес?

Тон эн жаля, музъем,
Узырлыктэ,
Тон сёт визь-нод
Будйсь нылпиедлы.
Выль кужымен
Вылез даур лыктэ,
Жингыр вазе
Удмурт азвесь гырлы.

LE LIVRE DES RACINES
DES OUDMOURTHS
(sur Idnacar)

Contes paternels, légendes et livres,
Poussière des archives et des chemins non battus...
C'est notre tribu,
De la recherche inlassable enchaînée au fer.
Leçon dure.
Dans les unités multicolores
De l'univers sublunaire.
Dans la polyphonie des peuples de la Terre
Éveillons les centenaires,
Taciturnes et muets
Nous-mêmes par les siècles
Nous ne rentrerons jamais au passé.

À Marguerite Ivanova

Terre oudmourthe –
Vaste volume …
Des siècles
A absorbé ce livre,
Et il n'y aie dans ces centenaires
Aucune seconde
Sans malheur,
Accablé du sueur.

Pas une seule victoire,
Remportée légèrement…
Et feuilletant ce livre,
Tournant ses pages rapidement
Du passé glorieux et pénible en Kyrielle.
Nous résumons
Que les racines du peuple oudmourth
S'en vont profondément.

Secrète est
La force de la source –
Notre candide symbole
De notre tribu et de notre clan…
L'histoire
Du peuple oudmourth,
Radieuse est
Ta ligne prédise!
Prends la sagesse,

Я, тау, музъем,
Сабыр мылкыдыдлы,
Анай сямен,
Улон вордэмедлы!
Азвесь уйвöт кадь
Вашкалаедлэсь
Удзэ лэзём
Зарни вуонолы.

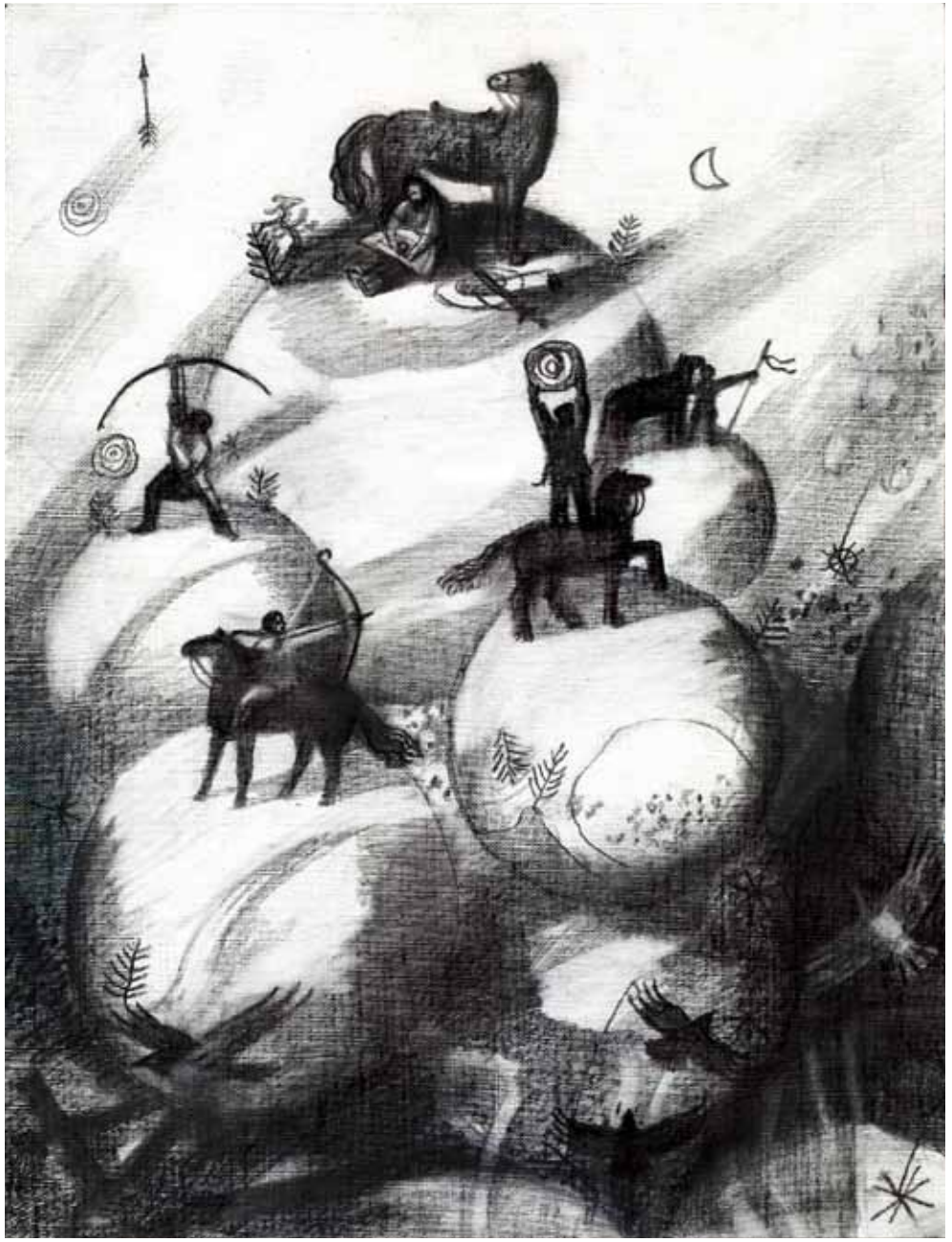
Улэм-вылэм Донды нимо батыр. Солэн Идна, Гурья, Весья, Зуй нимо батыр пиосыз вылӥллям. Калык йырсазе кылемын Эбга нимо кенэз сярысь мадёсъёс но. Котькудзылэн улон интызы, тушмонъёслэсь утиськон каръёссы-крепостьёссы вылэм. Удмурт шаерлэн уйпал люкетаз али ке но тодмо на Дондыкар, Иднакар, Весьякар, Зуйкар, Эбгакар нимаськись интыос. Тушмонлы пырыны вормонтэм каръёс пöлысь тужгес бадзымез Иднакар вылэм. Удмуртъёс отын улӥллям IX-XIII дауръёсы. Глазкарлы кык иськемысь Солдырь гурезь йылысь та паймымон муэз сйен-сйен усьто туала археологъёс Маргарита Григорьевна Иванова тодосчи кивалтэм улсын. Солэсь синмаськымон ужъёссэ сӥлы карыса но солы сӥзьыса ик гожтэмын та чуръёс.

Пересьёслэн верамзыя, Солдырь гурезьлэн шур пал бамалаз корт öсэз вань. Со, пе, арлы одӥг пол усьяське, Иднакарлэсь узырлыксэ одӥг пол адскытэ. Кемалась ини, шуо пересьёс, отысь вашкала ваткослэн потэ шудо адями кие сётйськемез, но уг сюры кылзэ тодйсь мурт. Маргарита Григорьевна ик öз луы меда сыче дауръёс пыр возьмам адями?

Та паймымон, вашкала мадёсъёс пыр чильпырась дунне усьтйськиз мыным но, Чупчи но Пызеп шуръёслэн, пöртэм палъёсысь лыктыса, вач ӟыгырскем вадьсазы урдйськем гурезь йылэ туби но.

Иднакаре туби но мон –
Шокчи.
Меч яр сьöрысь
Чиля-потэ Пызеп.
Мукет палтӥз
Пумтэм-йылтэм Чупчи
Возьёс валлин
Дауръёсын бызе.

Идна батыр
Учкоз вал, дыр, тазьы…
Öрӟи мылкыд
Öте чагыр инме.
Нош улӥын



Пызеп ни огазьын
Чупчи шурен
Ӟыгырскыса бызе.

Куке-соку
Идна та карысен
Тушмонъёссэ
Изэн лэзьяз, вылды.
Вал йыр быдӟа
Секыт но юн изэд
Тэльёс, возьёс вамен
Лобе вал, дыр.

Со вашкала вакыт
Кылиз выжыкылэ,
Ёзысь ёзэ
Удмурт
Вера со мадёнэз.
Туннэ ке но
Пичи пинал сое кылэ.
Но выжыкыл…
Со выжыкыл гинэ!

Пичи дыръям,
Сое кылзйськыкум,
Малпай-а мон:
Идна зэмзэ улэм?!
Тани нош – кар!
Карлэн шораз ик – гу.
Музъем маде:
Ку,
Мар,
Кызьы татын вылэм.

Йыбырттйсько тыныд мон,
Иднакар!
Батыръёслэн карзы –
Ачид но тон батыр.
Монэ но тон, батыр,
Мултэс эн кар –
Тынад пиед мон
Луысал быдтыр.

Иднакарысь узырлык, пе, адямиослы возьматйськылэ, я вышкылы, я музон арберилы пӧрмытскылыса. Нош одйг пол адзиллям вал вылын

Homme nouveau,
Du Livre des livres,
De la mystère des lignes anciennes!
Tintant,
Comme clarinette oudmourthe
Dans labeurs et jours
Paraissent les ères nouvelles.

Agréable est la sonnette
Du sommeil d’argent,
Où puise la naissance
Mère-Nature…
L’histoire
Du peuple oudmourth
Des jeunes pousses d’or futures fait naître
Le printemps d’avenir.

Que garde les jeunes pousses de l’époque nouvelle
L’histoire de l’univers perpétuel.

Il était une fois batyr* Dondy. Il avait quatre fils: Idna, Gouria, Vessia et Zouï. Il était encore Ebga, belle-fille de batyr. Chacun avait ses forteresses-cars. Au Nord de l’Oudmourthie ne sont pas oubliés des bourgs: Dondicar, Idnacar, Gouriacar, Zouïcar, Ebgacar.

Le plus grand des bourgs était Idnacar. Les légendes transmises d’une génération à une autre disent: les Oudmourths y habitaient au IX–XIV siècles. Les expéditions archéologiques sous la diréction de M. Ivanova, à qui est dédiée ce poème de l’an par l’an ouvrent ce livre sage terrestre en chosifiant ces légendes en les faisant palpitantes. D’après les légendes des vieux, à la pente du mont Soldyr auprès du fleuve il y a une porte de fer secrète. On dit: elle ne s’ouvre qu’une seule fois dans l’année pour montrer les trésors d’Idnacar. On dit qu’il y est une clandestion de trésor qui veuille se donner aux bras d’un heureux, mais on ne trouve cet heureux sachant l’incantation. Ne soit pas Marguerite Ivanova cette heureuse?

Cet univers légendaire s’est ouvert pour moi quand je suis monté à la colline près du confluent de Tcheptsa et Pyzep qui se trouve à quelques kilomètres de Glazov.

Mon Idnacar!
Nous sommes tous les deux: toi et moi,
Qui jadis sur le versant sont montés...
Le fleuve Pyzep
Embrasse cette pente versante,

*batyr – héros de l’épopée oudmourthe – athlète, hercule, géant.

пукись чылк тӧдьы дйськутэн адямиез но. Иднакар гурезьысь потыса, Адам гуртлэн шайвылаз лыктэм но ышем-бырем та мурт. Ачиз Идна батыр ӧй вал-а меда со?

Ӟечбур, Идна!
Сйё-дано карад
Туннэ ми лыктймы юанъёсын.
Валамтэмес шӧдйд-а вал?
Оград
Ӧд кушласькы улэп калыкъёсын.

Дауръёсын кӧлйд ни тон.
Ӧд на
Ноку но мадьылы улэм-вылэмъёстэ.
Туннэ ми дась ни.
Вераськы, Идна!
Ми кужмогес сюрс пол тонэн артэ!

Тау батырлы! Со шып гинэ усьтйз гурезь бамысь лушкем корт ӧсэз асьмелы но, дуно лыдӟисе. Маин меда шумпоттозы вашкала ваткосъёс асьмеды? Ум-а быгатэ тодыны-валаны пурысьтам дауръёсы выжыяськем пумтэм-йылтэм мадиськон-мадёсъёсты?

Та паймымон муын вакытлы сётскытэк, оло нош асьмемыз витьыса, улӥллям но кузёоссы сярысь дугдылытэк мадё ини излэсь, кортлэсь-ыргонлэсь но сюйлэсь сазнам арбериос. Дауръёс вормиллямтэ тылобурдо, пӧйшур лыослэсь пӧрмытэм лэсьтосъёсты но.

Иднакарын ӵукна ик кӧ берга.
Выръиз интыыстыз лылэсь лэсьтэм пуньы.
Корка сэргы горшок чалеп кирга…
Нош марлы нокин но уг пуксьы сиськыны?

Иднакарын ӵукна ик кӧ берга.
Дауръёсын берга, вите кузёоссэ.
Корка сэргы чалеп кирга, кирга…
Нош кар лултэм, уг усьялля ӧссэ.

Иднакарын ӵукна ик кӧ берга.
Вите кузёоссэ…
Берга…
Ӵукна ик…
Кузё-ос-сэ…

Ta pente douce
Tcheptca câline
Baignant.

Hélas – nous sommes tous les trois:
Jadis cette hauteur a foulé aux pieds les droits
Idna à l’air d’aigle.
Tchuptchy avec Pyzep s’embrassent,
L’amour et la vie
Les fait tresser
D’un seul dessin
Et s’apparentent comme des futurs époux.
Je suis monté sur Idnacar et j’ai respiré
Du ravin escarpé, brilliant coule Pysep
De l’autre côté aux yeux bleus Tcheptsa
Des prairies d’émeuraudes pendant les centenaires arrose.
À cette manière, peut-être, et Idna regarderait…
L’âme d’aigle sauterait au bleu des cieux
Et là en bas Pysep avec Tcheptsa,
S’embrassent comme les fiancés apparentés

Batyr de cette hauteur
Gardant les frontières
De son tribu et de son clan
Se battait infatigable
Et bourdonnant jettait
De gros caillous de la tête d’un coursier
Qui clouaient l’ennemi
Dans les camps lointains
Oh, le conte de mon enfance
Sonore est ton vol
Des centenaires
Couvre de gloire les coeurs et les pensées
Et je crois
Que le premier astronef
Se lévera
Pour battre des ailes les cieux
Et fonder
Les glaces éternelles
Nous tendons nos bras
De notre esprit et de notre coeur
À l’époque ancienne
De nos ancêtres et nos aïeuls...

Mais voilà notre car
Se taisent les fouilles
À la Terre natale
De grands mystères léguant
Nous traînons de l'esprit et de bons sentiments
Esperant voir en rêve nos quadrisaïeuls
Mais le voilà – le car. Et dans ce car – les fouilles
La terre verbalise ce qui s'y soit passé et comment.

Mon coup de chapeau au puissant Idnacar
Au foyer des batyrs – à toi qui est batyr aussi
Tu me trouves un fils sacristi –
Un fils le plus fidèle je suis.

On dit que les trésors d'Idnacar seraient pareils tantôt aux gens tantôt aux ustensiles de ménage. Un jour on y aurait vu un cavalier vêtu tout en blanc. En s'en allant du mont Idnacar (ainsi on appelle Soldyr), il se serait dirigé au cimetière du village Adam et là il se serait absorbé. Serait-il ce cavalier Idna-batyr lui-même?

Pardon, batyr
Dans ton terem glorieux
Dans ta ville-car
Des espoirs chauffés.
Nous sommes venus.
Bonjour, Idna!
Dans ton car glorieux
Aujourd'hui nous sommes venus
Avec la clef de ton universel souterrain.
De tes mystères perpétuels
Tu nous connaîtrais, ignorants-méchants, –
Des siècles
Tu ne nous fasse entrer dans ton car
Qu'en brûlant les ponts
En avant-garde des vivants
À toute vitesse allant

Tant de centenaires
Que tu dormes
Jamais tu ne racontes ton tire-à-lire quotidien
Aujourd'hui nous sommes prêts à t'écouter
Dis, Idna
Ton image est en nous,
Et nous sommes forts de toi.

Лылэсь лэсьтэм арбериос, оло, ваньмызлэсь уногес. Соос бордазы возё кадь кузёоссылэсь ки шунытсэс ик: ум-а адзиське вашкалосмылэсь кытй ке гож лэземзэс, дуннелы паймыса, сое валаны тыршыса суредъёс пӧрмытэмзэс?!

Сынъёс вылэ, сиктан вылэ куке
Кытысь- о вуиллям та пужыос?
Вал йыр…
Пужей…
Дыдык тани пуке…
Мар вераны туртто мыным соос?
«Эшъёс, –
Шуо шат, –
Ми выжыосты.
Ми тйледыз утём я каргалом.
Коньы выжы,
Юрмег выжы-а тй?
Тй милемыыз вунэтйды, оло?»

Вунэтймы, пе!
Кызьы вунэтод?
Инкуазь,
Тыныд йыбыртъялляз удмурт!
Инкуазь быдзым,
Ма кин сое уг тод?
Вань лулъёслы одйг кадь со –
Ӵужмурт.

Мар лэсьто вал Иднакар удмуртъёс пулэсь? Али сое, уйвӧтамы кадь, син азямы гинэ пуктыны быгатомы. Тодосчиослэн чакламзыя, чебересь абериос потыны кулэ вылэм соослэн ки улысьтызы. Нош пу сисьмем, музъем луэм. Малпаськон радмес ӧръяло Иднакар удмуртъёслэн трос музон материалъёслэсь пӧрмытэм арбериоссы но пу бордын ужаны кылдытэм корт, андан тйрлыкъёссы: турлы пӧртэм пуртъёс, гыркйиськонъёс, куръетъёс… Соос пӧлын ик – ачиз шериськиз тйр.

Ачиз ветлйсь кут, ачиз корась тйр сярысь выжыкылъёсыз кылымтэ мурт ик вань меда? Ачиз шериськись тйр сярысь кылыны-мараны мынам ноку ӧз кылдылы. Но тани мон сое возисько ас киям но, со ачиз ик маде мыным ачиз сярысь. Лэсьто вылэм сое куинь сйлэсь. Шораз, ӵогон интыяз, дуро вылэм чурыт андан, нош дуръёсаз – небытгес корт. Кораськемъя корт пумен пӧсьтоз но, лэчыт андан кыре потоз вылэм. Асьмеос али карандашез вӧлэм кадь.

Sur Idnacar dès le matin se tourne le moulin à vent
S’est deplacée fabriquée des os la cuillère
Dans la maison dans le coin est le tisson du pot cassé
Mais pourquoi personne ne se met à dîner?
Sur Idnacar dès le matin se tournent les moulins à vent
Ils attendent leurs locataires
Ils se tournent
Dès le matin…
Leurs locataires…

Sur Idnacar dès le matin tourne la meule
S’est déplacée la cuillère d’os
Au coin volent et volent les tessons du pot cassé ...
Et pourquoi personne ne se met à dîner?

Sur Idnacar dès le matin la meule tourne
Des centenaires tourne, attend ses locataires
Au coin volent et volent les tessons du pot cassé ...
Et dans le car – personne, et toutes les portes – fermées.
Sur Idnacar dès le matin tourne la meule...

Ses locataires attendent...
Tourne la meule...
Attend ses locataires...
Les siens...
Les centenaires...

Les produits en os sont plus nombreux. Ils parlent de l’attitude des Idnacars à la nature et à la phylosophie.

Sur les peignes parfois sur les kotochka*
Et d'où ces dessins byzantins?
La tête d’un coursier...
Élan en attelage...
Cerf non attelé...
Hérissant son plumage, la colombe est assise...
Qu’est-ce qu’ils veulent me dire tous?
«Amis, – disent-ils, peut-être, –
Nous sommes vos racines,
Vos parents.
Nous vous garderions.
Nous vous maudirions.
Vous soyez du clan des Écureils?

*kotochka – instrument pour tresser les laptï.

Со тӥрен кораськыкуз ик ӧз-а кылдыты меда Иднакар удмурт та кырӟанзэ но?

Та ньылпуэз ньылдыны
Туж капчим вылэм:
Вӧлоно ке, вӧлонпурт
Кроч! шуоз вылэм.

Та нюлэсэз кораны
Туж задор вылэм:
Зӧк кызэз ке ӵогоно,
«Эх!» кеськоз вылэм.

Та тӥреным ужаны
Кӧт уз тыр вылэм:
Корамъя, кораськыны
Вожомоз вылэм.

Корт поттонъя, дуриськонъя, кортлэсь, ыргонлэсь, туйлэсь, азвесьлэсь арбериос кисьтыны но соосыз чеберъяны быгатэмзыя иднакаръёс чик но бере уг кылё вылэм Европаысь калыкъёслэсь. Озьы шуо котьмае чотам-мертам кандидатъёс, докторъёс но ... сандалъёс, чекычъёс, кисъёс, кӧрык ымъёс, дуриськон ужлы музон тӥрлыкъёс. Соос уно кыллё Иднакар муын. Куке но соос жингыр! вазьыса ужазы, дыр. Мон али ке но тани кылйсько ужгурзэс. Тылӝуын, задор ки улын кылдыло кадь ужан, пӧшуран, чорыган, ожмаськон тӥрлыкъёс.

Удмурт калык трос пол ӝутскылйз эксэй зйбетлы пумит. Солы луыса, XVII даурын поттэм «наказъёын» асьме калыклы эксэйлэн нимыныз лэземын ӧй вал нокыӵе дуриськон ужъёсын вырыны. Калыкмы вормиз сыӵе ултйянэз но. Дуриськисьёс но кебит возисьёс ӧз бырылэ. Туала Кизнер ёросысь Воръявай шур дурысь Кусо Какся гуртын улйсь мынам Обраська нимо пересь песятае но кебитчи вылэм. Бакчамылэсь шур пала някырскем бамалзэ гырыкумы мон пичи дыръя но потылэ на вал солэн кебитэзлэн эгырӟем бервылыз. Гурт куспын кулэ луись арбериосты гинэ дурылйзы-а кебитчиос? Тушмонэз жугон тӥрлык лэсьтылйзы удмуртъёс Пугачёвлы но, Быдӟым Атайлыко ожмаськонэ но. Тыл но корт пыртйзы удмуртэ Кужым. Та ласянь но Иднакар, оло, быдэс Удмурт шаермы сярысь маде?

Адями но тыл…
Адями но корт…
Вал ке пеймытын,

Ou probablement soyez du clan de la Bellette?
Vous nous auriez oubliés s’en allant loin?
Oublier! Est-ce possible?
Nature-Mère est universelle
Et cela se rappellent tous les Oudmourths.
Du clan des Écureuils–Koniy,
Et du clan des Échassier Héron–Kakcia,
À tous et à toutes
Elle est natale –
Et nous sommes tous les parents
De la Mère-Nature.

Nous vous aurions compris juste, artisans-Idnacars? Aurions-nous pu nous nous approcher à vous d’aujourd’hui? Dites: d’accord! Nous y serons contents. Nous le voudrions bien.

Qu’est-ce que les Idnacars auraient produits de bois? C’est trop difficile à dire. Le bois s’est transformé en terre. Il nous reste seulement les dessins des colonnes et les planches à plat tombées jadis . Et ce sont les choses ornées. On y témoigne les objets des autres matériaux et les aciers et les fers (couteaux en formes différentes et des affectations différentes, gyrkiicicony, couriety... Y compris les happes).

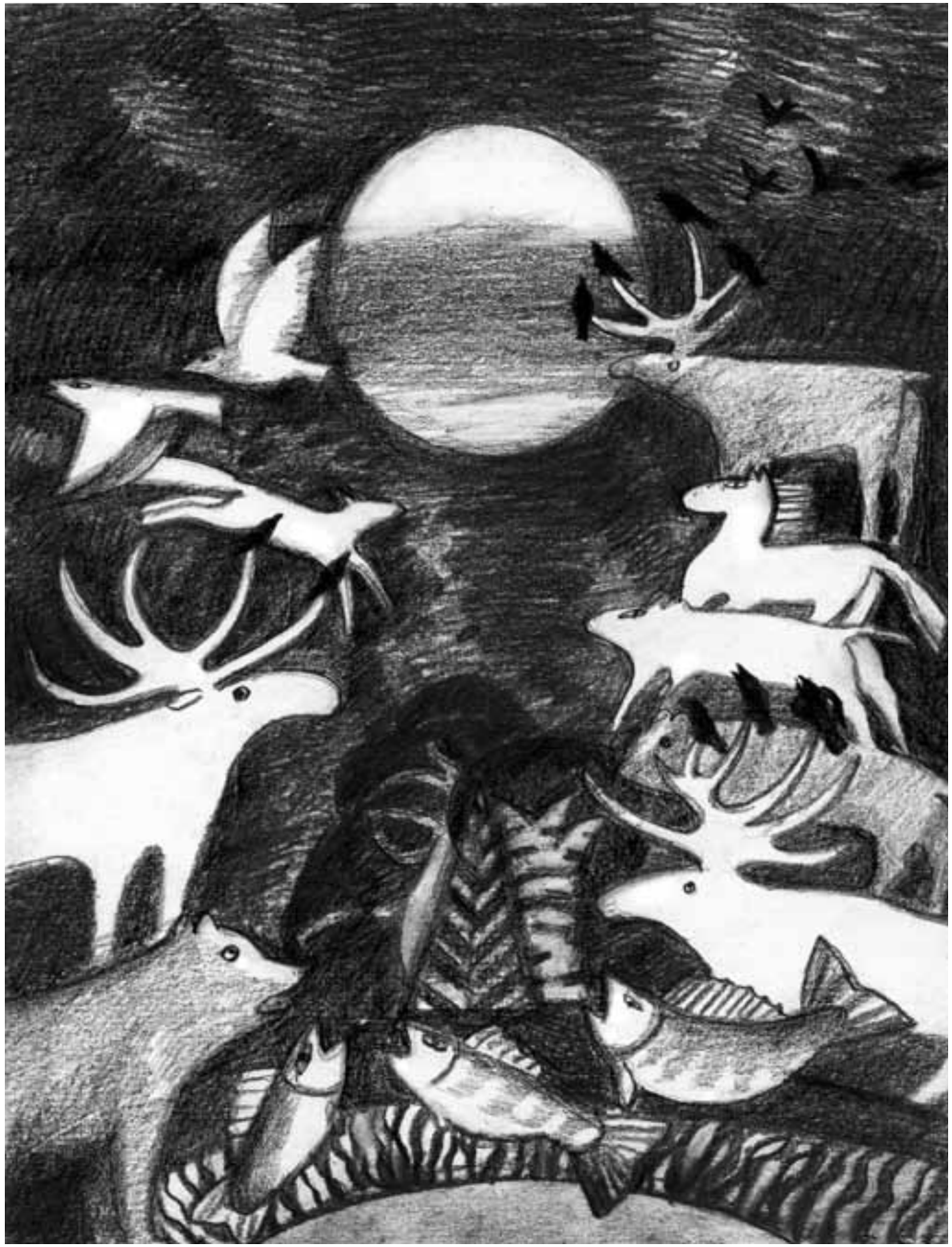
J’ai entendu parler tant de contes de la nappe-samobranka, des laptis-coureurs. Mais je n’ai pas entendu parler de la hache-samototchka. Et voilà je la tiens dans mes bras, et elle me raconte elle-même. On la forgeait du fer doux : au milieu où est la lame on mettait l’ acier trempé. Si on travaille plus, plus vite use le fer, l’acier se découvre la hache coupe mieux. De leur niveau de maîtrise de la métallurgie de la fabrication du cuivre, de l’argent, de l’acier les artisans d’Idnacar sont au niveau des maîtres d’Europe. Ainsi disent les candidats ès siences et les docteurs ès siences et l’abondance des instruments de forgeron: presse, évélure, marteau, fonte, forme pour collage des moulages. Et maintenant en nous voyant, tout cela bouge, grandit. Les artisans fabriquaient flèches et louves, javelots et hameçons pour la pêche et pour la chasse...

Les Oudmourths s’insurgissaient constamment contre le tsarisme. Au XVII siècle dans les oukases de l’empéreur il état défendu aux Oudmourths d’avoir les forges et d’être forgerons. Le peuple a surmonté cette humiliation. Les forges et les forgerons existent toujours. Et mon quadrisaïeul Obrasska des rives du fleuve de bois Voriavai (à la région de Kizner) était forgeron. On trouve les restes de la forge dans notre potager. Les armes pour battre l’ennemi les Oudmourths les faisaient pour Pougatchev et pour la Grande Guerre Nationale. La flamme et le fer donnaient la sûreté pour les Oudmourths et la foi à l’avenir heureux. Et Idnacar est une parcelle glorieuse de toute l’Oudmourthie.

Югытэ тон пот!
Пот ышыгысьтыд
Калыке, кыре,
Корт кужым тыныд
Тылын ӧош пыре.
Корт амезь тон дур,
Муостэ тон гыр!
Чупчиед но мур,
Инбамед чагыр.
Нош куке шорад
Лек тушмон лыктӥз,
Мед шудоз кияд
Тӧлпери кадь тӥр.
Мед шудоз со, мед,
Сӥльвиро кияд.
Утёзы данмес
Пугачёв, Гаян.
Нош тон дур но дур,
Кибашлы дурись!
Азьланьлы шудбур
Жужа тон дорысь.

Солдырь гурезь мечак инме урдиське Чупчиен Пызеп тодматскон вадьсын. Гурезьлэсь бамалзэ юри но мечгес карем Иднакар калык. Тушмон соос доры озьы гинэ тубыны медам быгаты! Кык палтӥз сыче меч гурезь бам. Кык музон палъёстӥз – нялмыт но ӧошкыт интыос. Озьы бере, Шор дауръёсы котькуд карез-крепостез выллем ик, Иднакарез но йылсо юбоосын кенератэк луымтэ. Кенер бӧрсьы – вуэн тырмытэм куинь рад гудэм ӧръёс но мулэсь жутэм жужыт сюлъёс. Кылдылӥз-а кыче ке тушмонлы, та могзетъёс пыр потыса, ку ке но Иднакар крепосте пыраны? Та сярысь асьмелы история ымзэ уг усьтылы. Озьы ке но, вера со, Иднакар котырын жугиськонъёс вылӥллям шуыса. Мулэсь жутэм сюлъёс борды мертчыса, дауръёсын, асьмелэсь тодэммес возьмаса, кортэн йылсам пукыч ньӧлъёс кӧлӥллям. Ку ыбемын вал соос? Кинлэн киныз но кинлы мертаса? Тодосчиос али соосыз оген-кыкен бичало, чотало, ӧошатыло… Озьы бере, выль тодонъёс сӥсъяло-будэто. Мар но уг сюры ку ке но вуэн тырмытэм но дауръёс ӧоже сюен ӧошкатэм ӧръёсын!

Копась корт куй шедьтӥз йыркобыез.
Бур пельдораз ньӧл корт куртчиськемын.
Мугор шӧйез кытчы-о кошкемын?
Копась корт куй шедьтӥз йыркобыез.
Кулон татын эктӥз, дыр, кӧшкемыт.



S’il faut couper un pin épais
Euch! Comme il est apparu très facile
À raboter avec skotel (le couteau à raboter)
Comme il est apparu “Krotch”!

S’ il faut couper un pin épais
Comme il est apparu très facile
Si on rabote avec skotel
Si on dit “Krotch”
Ce bois comme il est apparu
D’un air persifleur
Comme il est apparu
Il faut couper un pin épais

Hélas! On croit comme il est apparu
Que travailler avec cette hache
Comme il est apparu facile
En coupant, s’occupant de la coupe
On s’emballe en audace comme il est apparu

De cet épicéa décortiquer l’écorce
Est très facile à couper
Si on rabote d’un scotel
Si on dit: Krotch!
Ce bois d’épicéa est à couper
D’un air de débi
D’un air persifleur
S’ il faut couper un pin épais
Euch! Comme il est apparu
Que travailler avec cette hache
Comme il est apparut
Travailler, travailler d’arrache pied
Comme il est apparu
En abattant, abattre un arbre
Elle est passionnée d’audace, il est apparu.

Homme et flamme
Homme et fer
Si tu étais en obscurité
En lumière apparaîs!

Quitte ton universel perdu
Aux gens, volitifs
Car la volonté de fer est en toi
Elle y entre avec lumière

Вылэм татын ку ке но ожмаськон.
Кинэ-о кин пыдултыны тыршиз?
Ят мурт-а, яке кар мурт канжаськиз?
Вылэм татын ку ке но ожмаськон.
Кинлы-о шумпотон, кинлы бӧрдон вайиз?

Осто шуиз-а та мурт, усьыкуз?
Шӧдйз-а мемиез чигиськонзэ?
Жаляз-а батырзы ожгарчизэ?
Осто шуиз-а та мурт, усьыкуз?
Басьтйз-а Инмарез солэсь лулзэ?

Копась корт куй шедьтйз йыркобыез.
Бур пельдораз ньӧл корт куртчиськемын...

Идна батыр вал вылаз уг пуксьылы вылэм. Энер вылаз султыса омырскылэм тушмонъёсыз вылэ. Соосыз куалектыса пегӟылӥллям. Нош асьсэ выжызэс утем со тыршыса. Вань сюлэмзэ сётоз вылэм соосызлы. Ма, шаянтйсьёсыз асьсэлэсь на жалямтэ. Со понна ик ик али ке но сӥлы со асьмелы.

Иднакар дуно,
Батырзы дано –
Селтакар луоз
Со кадь ик одно!

Азьмуртсы Селта
Валъёссэ сьӧлта,
Иднакар пала
Пукыӵсэ мерта.

Со шултоз гинэ –
Ӝутйськоз калык,
Лушкемак вуоз
Иднакар пӧлы.

Нош отын ини
Мед тыршоз палаш!
Мар шаер лыктоз
Селтакар пала!

Селталэсь визьзэ
Иднакар батыр

Le soc de fer tu forges
Les champs de terre labeures
Où les ondes de Tcheptsa sont profonde

Et les cieux sont bleus
Mais quand jadis chez toi
Un ennemi méchant vient
Qu'elle jouisse dans tes bras
La hache comme un tourbillon
Qu'elle jouisse, qu'elle jouisse
Qu'elle garde la musculature:
Dans tes bras l'ombre de notre gloire Pougatchev
et Gaïian

Homme et flamme...
Homme et fer...
Soit jadis en ombre
Sorte en monde!

Quitte ta demeure
Trouve ta liberté!
Force de fer en toi
S'absorbe avec le feu.

Forge à soi ton soc
Ameuble la terre
Et ta Tcheptsa est profonde
Et le ciel au-dessous est plus bleu.

Et quand toi
L'ennemi méchant attaque
Que dans tes bras jouisse
Ton hache de combat.

Qu'elle jouisse, qu'elle jouisse
Dans tes mains vaillantes,
Et qu'elle glorifie ton âme
Vos ombres
Pougatchev, Gaïan!

Quelles vastes espaces
Seront en possesion au Seltacar!

Les pensées de Selty
Sont connues à Idna-batyr

Кемалась мерта,
Кемалась тодэ.

Со öте дораз
Кибашлыоссэ –
Иднакар ӟезьы
Уй ӧоже кылдэ.

Иднакар ӟезьы
Селтакар палан.
Селтакар батыр
Сое ӟеч валаз:

Иднакар шоры
Вож синзэ кыниз,
Шибодыоссэ
Возь вылаз сализ.

Кышкасьтэм, кужмо но визьмо вылэм Идна. Визьмоесь но кибашлыесь вылӥлям усточиыз.

Вало шур Иднакарлы кыдёкынгем. Озьы ке но, та шурлы но сыӵе ним öз-а сётэ Иднакар палась вуэм калмезъёс ик? Кемалась ини Чупчиен Пызепысь соос адзиллям уясь валъёсыз. Адзиллям но вулэн, шурлэн лулыз шуиллям соосыз. Уясь вал тусэз асьсэлы ибырвесь карыса, мӧля вылазы нуллӥллям. Иднакар муын лылэсь но туйлэсь лэсьтэм сыӵе валтусъёс али ке но кыллё на. Улонлэсь асэрказ, ӟечкын мынэмзэ утё кадь соос.

Ӧӧж-а та,
Вал-а та –
Марлы уяло?
Ӧӧж но, дыр,
Вал но, дыр, –
Шур но бен –
Вало.

Та югыт дуннеын
Ву вал ай быдэс –
Ӧӧж поттӥз
Ву пыдсысь
Дуно му юдэс.

Возь вылтӥ
Шур бызе –
Ярдуръёс кыллё.

Longtemps il les estime
Et mésure son pesant d’or ...

Il invite
Ses artisans –
Et pendant la nuit
Paraît Idnacar Dzezy.

Idnacar Dzezy
Est non loin de Seltacar,
Et son batyr
A tout compris et tout d’un coup.

Les yeux jaloux
A détaché d’Idnacar
Les javelots au dard pointu
A jetté aux prés.

Les batailles y étaient,
Qui a tenté prendre ennemi sous son talon?
Ennemi ou l’un de la forteresse?
Il y auraient jadis les batailles,
A qui la joie , à qui les larmes elles ont apporté?

Idnacar est glorieux,
Et batyr est hônoré,
Seltacar lui aussi
Est connu partout!

Meneur de Selta
Entrave les coursiers
A côté d’Idnacar
Décrochent ses flèches.

S’il souffle –
Se lèveront ses gens
À la faveur de la nuit
Se trouveront parmi les Idnacars.

Et là
Que travaille la latte!
Quelles vastes espaces
Se trouvassent aux domaines d’Idnacar!
Les pensées de Selta
À Idna-batyr fussent connues

Со озьы
Вал ворттэ –
Вайыжъёс кылё.

Нош мае возьмато лылэсь но сюрлэсь вӧлэм сынъёс вылысь вачe урдйськем ужпиос? Таосыз но, оло, сюрс аръёс ӧз-а кыллё Иднакар муын? Уллань лэзиськем быжъёсысьтызы ву жильыра кадь шуре. Ма, со – тӧлпери яке тудву дыръя пуромем тулкымъёс ук!

Оштолэзь ке вуэ, шур вуос пачылмо,
Ярдурзэс куштыса, пыдйылчи кадь кошко.
Серметсэс, дыр, ышто,
Кыткетсэс но юско –
Чагыр син Чупчизы но, Пызеп но
Урмо.

Эрказмем ужпиос кадь, кытчы-о дырто?
Огзылэн но уг пот визылак быземез.
Мар кыске, вырӟытэ
Тулыс шур сюлэмез?
Кожытйсь кожъёсын
Тэль дурез ни порто.

Пумиськe-а ӵыпет, мый лэсьтэм-а тымет –
Тулкымъёс уката задормо.
Шукыен позырско,
Ӝутйсько, вожомо:
Тӧлпери тулкымлы
Ваменске на могӟет!

Тӥнь соку ни вуысь ужпиос урдйсько,
Уж валъёс йырӥисько, жугисько.
Ӧръёссэс-а утё?
Эрвалзэс-а люко?
Яке вормы татын –
Яке тон бырискод!

Оштолэзь но ортче, ужпиос басылско.
Кытын, ку сюантэк
Ныпиос вордйсько?
Уӵыос берытско,
Уйсыос чалмытско,
Чупчи дур возьвылъёс
Сяськаен шобырско.

Il y aie longtemps qu'il mésure
Leur prix ...
Il invite
Ses maîtres –
Et dans une nuit parait
Idnacar Dzezy.

Idnacar Dzezy
Soit proche à Seltacar,
Et Idnacar-batyr
Le comprend tout d'un coup.

Les yeux envieux
Détachés d'Idnacar
Les piques en dard aïgue
Jettent dans les prés.

Le mont Soldyr se lève rapidement en haut en face de conflient de Tcheptsa et de Pyzep. Les Idnacars ont fait leurs pentes si escarpées. De deux côtés du car – une pente si abrupte. De deux autres côtés – le miroir des eaux (surface unie et large). C'est pourquoi comme d'autres forteresses médièvales Idnacar soit entourés de trois fossés (rondins) de billes pointues. Au-delà de l'enceinte remplie d'eau il y aie trois fossés de renfort. Aurait-on pu pénétrer à ces forteresses? L'histoire n'y répond rien. Mais Idnacar lui-même raconte qu'autour de ce bourg les batailles se déchaîneraient. En attendant notre découverte pendant les centenaires someilleraient les canules métalliques des flèches dans les fossés de renfort. Les archéologues les accumulent, les comparent et les confrontent... Les nouvelles connaissances criblent. On les ramasse parmi les trouvailles dans les fossés jadis remplies d'eau?!

Laborieuse – pelle-bêche aie troué le crâne de l'homme
À droite à l'os de tempe se camaille la flèche
Aurait-il dit Osto! en tombant cet homme
Aurait-elle sentie sa mère son inoubliable malheur?
Aurait-il plaint le batyr son guerrier?
Aurait-il dit Osto! en tombant cet homme
Aurai-il donné au Dieu son âme?

La pelle-bêche laborieuse a troué le crâne d'homme.
A droite à l'os de tempe se camaille la flèche...

Idna-batyr ne fût pas monté en selle. Etant debout en selle il se fût jeté sur l'ennemi. L'ennemi en horreur courait. En vrai il aie puni les siens (coupables). Nous l'hônorons pour cet exploit.

Сыче ик, бугырскем тудву кадь мылкдын öз-а ужалэ та валъёсыз кылдытйсь вашкала усточиос но?

Иднакар калык трос дырзэ но кужымзэ быдтоно луэм улонын тужгес кулэ луисьсэ – кöттыр, дйськут, улон инты – шедьтон понна. Соин уката паймиськод: мар мылкыд вылэм соослэн вань арбериоссэс кызьы ке но чеберъяса лэсьтыны?! Каръёсысь уно шедё пель сузянъёс. Лылэсь, ыргонлэсь, туйлэсь лэсьтэмын соос. Чыры-пыры арбериос гинэ но, ваньмыз пужыятэмын! Нош кöня люкаськемын поскесъёс, пель угыос, весьёс, кускерттонъёс… Азвесьлэсь, туйлэсь, ыргонлэсь – ваньмыз чеберъяса лэсьтэмын, ваньмыз бордаз кыске палёмем синъёсыз.

Огпол археолгъёс Ижкаре вуттйзы быдэс керттэт чеберъянъёс. Ваньзэ шедьтйллям одйг шайгуысь. Кин меда ватэмын вал отын? Йырысеныз пыдозяз со кышномурт чеберъямын вылэм азвесьлэсь но ыргонлэсь кисьтэм чингылиосын. Чингыли – чузырет, чингылиос – чыртывесь, бадзымесьгес чингылиос – мöля вылаз, кускысьтыз е бордаз, пыдесаз, векчиесьгесъёсыз – поскесаз, эсьмаса, пыд бераз но. Син азяды пуктэ али, кыче чильквальк кисьтаське вал, дыр, со ваньмыз, кузёзы уин тылскем доры потыку. Макем жингрес куараос кисьтйсько вал, дыр, вамышъякуз! Со кышномурт дорысен ик асьме доры вуэмын öвöл меда «Италмас» ансамбльмылэн, оло нош, быдэс дуннелы тодмо «Жингыртыса эктонэз» но?!

Музъемысь кин ке шедьтэм но –
Музейын кыллё соос.
Шып гинэ кыллё.
Нимзы нош –
Чингыли чеберъянъёс.

Вашкала удмурт нылъёс, пе,
Нуллйллям сое куке –
Горд сйзьыл пипу куаръёс кадь,
Верасько вал, дыр, сикен.

Я, нылмурт, пеляд коть бырты
Чингыльтйсь пель угыез.
Синучкон доры мын, учкы –
Вуылод вашкалае.

Чыртывесь, оло, басьтод на?
Ме поскес, ме кускерттон…
Горд сйзьыл пипу куаръёс кадь,
Мылкыдме сурад ни тон!

Où est toute la squelette?
La pelle-bêche laborieuse aie troué le crâne d'homme.
La mort fête sa danse mortuaire.
Il y auraient jadis les batailles,
Qui et quelqu'un tâcheraient-elles à supprimer sous son talon?
Ennemi, de la forteresse quelqu'un se fût erré
Il y auraient jadis les batailles,
A qui la joie , à qui les larmes eussent-elles apportées?

La rivière Vala (en oudmourthe Valo signifie aux chevaux) n'est pas proche d'Idnacar. Ce nom lui ont donné Calmézy (l'une des branches des Oudmourths du Nord) arrivés d'Idnacar. Il y aie longtemps qu'on voit les chevaux nageants à Tcheptsa et Pyzep. On les a remarqué et pris pour les âmes de rivière et d'eaux. Leurs images étaient produites dans leurs amulettes qu'on porte sur la poitrine. Dans la terre d'Idnacar il y en a beaucoup en bronze et en os. Magéstueuse et calme est la vie qu'elles jalonnent et gardent.

Soit-elle cane,
Soit-il cheval –
Pourquoi nagent-ils
Probablement et la cane
Probablement et le cheval
C'est que le fleuve fût Valo
Aux chevaux.

Dans l'univers
Autant que je sache tout fût l'eau –
La cane a tiré
Du fond de l'océan
Un morceau précieux de terre.

A travers les prairies
Le fleuve coule
Les rives sont couchées
Autant que je sache –
Le coursier galope,
Les brancards laisse.
(une devinette oudmourthe)

De quoi parlent sur les peignes les chevaux en os? Et quelles images soient enterrées pendant mils centenaires dans la terre d'Idnacar en nous attendant? Et grâce à ces étalons et à leurs bridons on verrait – l'eau tombe dans la rivière.

Ортчемаз я азьланяз но
Усьтйзы кадь вöл–вöл öс:
Дауръёс пыр жингырто кадь
Чингыли чеберъянъёс.

Пель угы, дэмдор, поскес но
Чыртывесь, кускерттонъёс –
Асьмелы куара сёто кадь
Вашкала кибервылъёс.

Иднакар удмуртъёслэн муэ кылем ибырвесьёссы пöлын вань тачеез но: ыргонлэсь-туйлэсь кисьтэм кужмо бурдъёссэ паськыт вöлъям тылобурдолэн гадь вылаз – адями йыр, сайкытак учке син шорамы ик. Мар вераны турттэ вылэм, та дэмдорзэ лэсьтыкуз, оло нош, сюрс ар талэсь азьло улэм дуннелэсь бергамзэ валаны тыршыса, вашкала усточи? Уг-а шуы со: бурдолэн пушказ – адями, солэн лулыз, уртэз? Оло, со ачиз но, тон но мон кадь ик, лыдзисе, вöтаса ке но, адзылйз инметй лобамзэ? Иднакар усточи! Мон тынад пушъетэд ик öвöл-а? Уно аръёс ортчыса, оло, мон но – тон бордысь ик потэм адями? Пичи дырысеным тани мöйы аресозям уйёсы вöтаса адзисько лобамме. Бурдъёсы интые – вöлъям киосы, нош лобзон кужым сётйсь мотор интыын – чьрыг быж выллем лач ужась пыдъёсы. Лöптэм мылкыдын сайкасько со вöтъёсы бере, шумпотыса. Валаско ке но: лобаме мынам ноку уз луы. Мон öвöл тылыё но бурдо. Озьы ке но... Кыче адями тон, ноку но бурдъёстэ ке уд шöдйськы?!

Öвöл тылые но, öвöл бурдъёсы,
Озьы ке но, чöж мон, оло нош, уйсы.
Тэле дыртйсько весь, кыске кадь бусы,
Лэйкыт уясал кадь дун ву шуръёсын.

Бурдо-а, бурдтэм- а– ческыт вöтъёсам
Мон юсь кадь инмын. Туриос но вöзам.
Учы гырлыос жингырто кадь сюлмам.
Пислэг кадь чырмыт бергаськo ужъёсам.

Öвöл тылые но, öвöл бурдъёсы.
Инбам нош öте кадь. Инмын – эшъёсы.

…Шур дур куакъёсын куажгетэ весь куажы.
Инмын ширъяны шедьтымтэ, дыр, кужым.

Quand arrive ochtolez*
Étant quitté les rives galopent comme étalons sauvages
Perdent – probablement les brides,
Se détalent des attelages
Et Tcheptsa aux yeux bleus et Pyzep
Deviennent fous.
Les étalons folâtres où se dêpèchent-ils?
Ni celle ni celui ne sachent la course mesurée
Qu'est-ce que les attire, les irrite
Le coeur des rivières printanières
Aux tournants tourbillonnants
Détruisent les rives du bois.

Les ondes s'efforcent
L'écume barre
S'élève, se fâche
Du torrent d'ouragan
Ne soit pas agréable ta barre

Alors de l'eau les étalons se lèvent
Les mâles se mordent, se battent
Leurs lits défendent?
Leurs femelles ils partagent?
S'ils ne prennent le dessous
Les autres les tuent!

Passe ochtolez les étalons se calment
Quand et où sans noces
Naîssent les enfants?
Les rossignoles rentrent
Les chouettes se taisent
Dans les praîries le long de Tcheptsa –
Les tapis fleurissent.

Les passions pareilles bouillonnent évidemment dans les coeurs des artisans.

Les Idnacars dépensaient beaucoup de force et de temps pour créer le plus nécessaire: nourriture, vêtements, habitation. Le plus étonnant étaient leurs aspirations pour décorer tout ce qu'ils produisaient. Les archéologues trouvent beaucoup de copoouchecs. Même les plus miniscules objets de l'habitation étaient déssinés (arabesques). Combien les archéologues ramassent dans leurs trouvailles de braslets, de boucles d'oreille, de colliers d'argent, de bronze, de cuivre – tout faits avec imagination et très ésthétique. On comprenait, sentait la beauté nos ailleuils.

*ochtolez – le mois de taureau, quand les fleuves sont surchargés, l'eau pourrait se transformer en taureau.

Идна батыр! Оло, зэмзэ но басьтйд ни монэ ас бордад? Ӧй-а вуы мон вашкала мадиськон даурад? Мон ыштӥ кадь лыдзэ вакытлэсь. Ноку урылйсьтэм, ышисьтэм-быръсьтэм шаере но дыре кадь вуи.

Шунды но жужа но, шунды но пуксе,
Пеймыт уйёсы кучыран кесяське.

Шудлы, дыр, мынам шудэлы вожъяське,
Шур сьӧр нюлэскын, дыр, монэ тышкаське.

Мынам улонэ бен зэмзэ но шудо –
Шудэм кадь, ӵукна ик тэле бызисько.

Шунды жужамъя, кучыран чалмытске.
Льӧль-горд шушыос верасько ни сикен.

Соос ик мыным но сёто куаразэс,
Монэ исаса кадь, ватско вож кызэ.

Отын но соос шундыпи кадь чырмыт,
Лысо сьӧд тэлез но каро кадь югыт.

Шушы югытэн, лэся, мон тырмисько –
Шудлэн бурд вылаз кадь дорам лобисько,

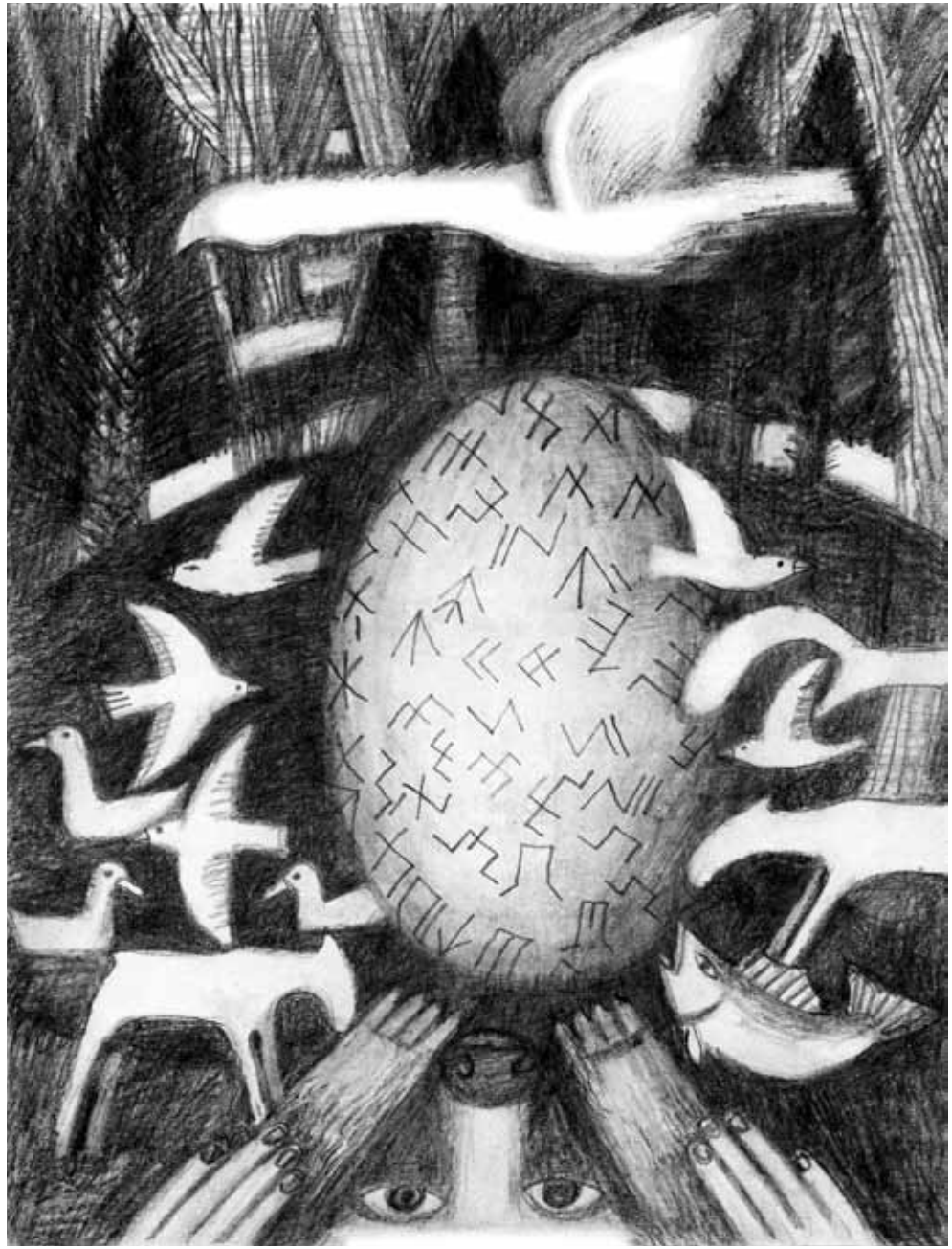
Ньылпу гырк пушкын кучыран кӧлыку,
Шудлы, шундылы люкаса лек йыркур.

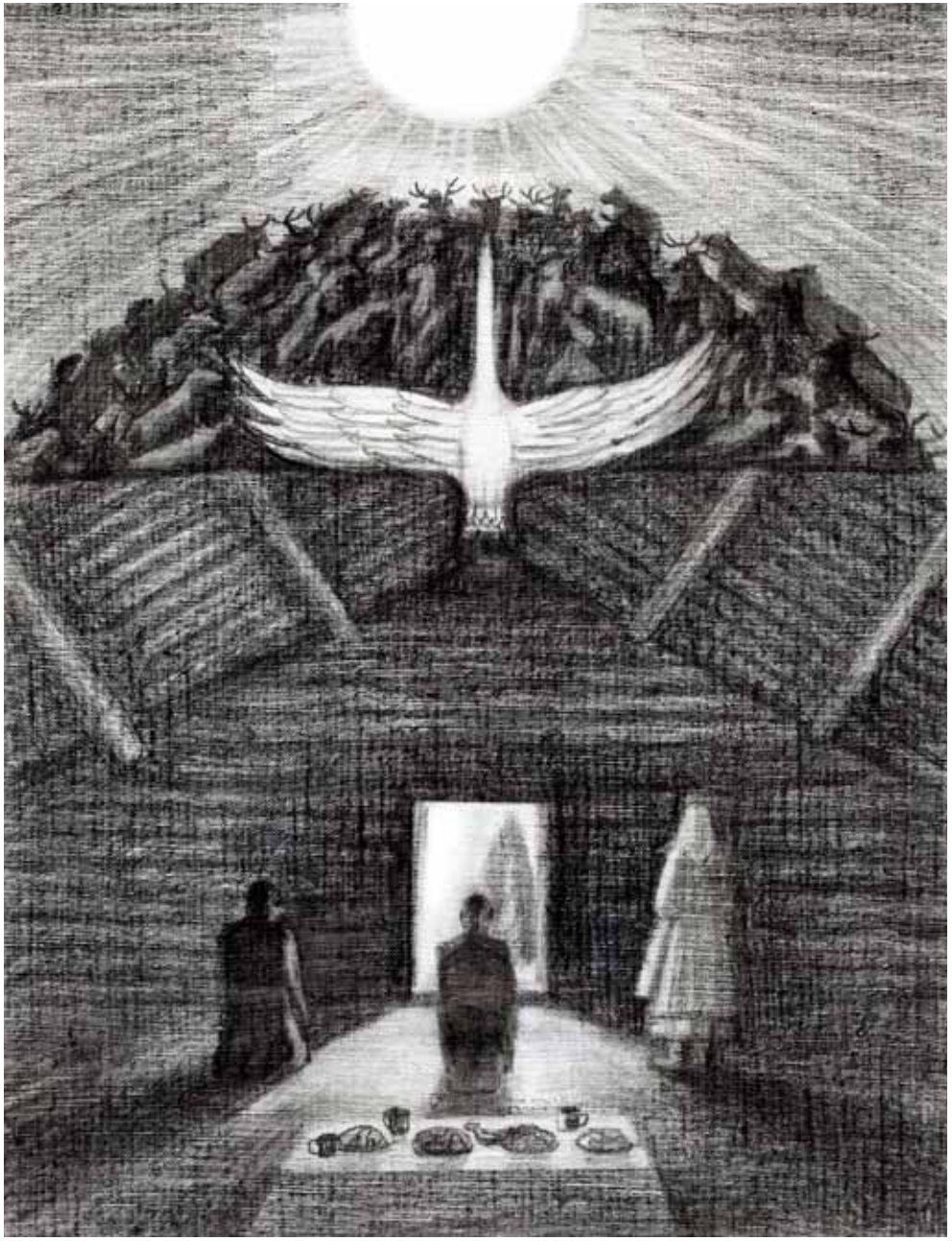
Шунды но жужа но, шунды но пуксе,
Пеймыт уйёсы кучыран лекъяське.

Толэзь но жужа но, толэзь но кысэ,
Нош ик со интые шунды жутйське.

Отысь, Иднакар ӧс сьӧрысь ик ӧй-а адзы мон сайкыт мӧзмонме пыӵатйсь суредэз но?

«Кулӥ ке мон,
Мынам лулы
Пурысь луд ӵӧжлы пӧрмоз.
Ӵукна султод,
Васькод вулы,
Сьӧд мур кожын луо – мон».





Il y a quelques années les archéologues sont revenus à Ijevsk avec une liasse d'ornements. Tout ça était d'une seule inhumatation. La femme était ornée de la tête aux jambes des tchinguily, trompettes d'argent et de cuivre. Les trompettes, tchouzyrettes en trompe, les sonnettes-colliers sur le cou, les plus grands sur la poitrine, les plus petits aux poignets, aus genoux... Présente, cher lecteur, comment elles vibrassent quand leur maîtresse sorte au bûcher, quel tintement mélodieux vibrasse à chaque son pas? La danse aux sonnettes de notre ensemble oudmourthe Italmas est produise de l'image de cette femme.

On les fait sortir maintenant du souterrain
Des lieux d'incendie, pressés des centenaires
Miroités du soleil tchingyli
Vibrassent des ruisseaux printaniers
Brûlant du feuillage d'automne,
À la flamme du coucher du soleil d'automne,
Dès qu'en auraient dit les Anciens,
Portaient des fiancés jadis,
Mais tchingyli ne sont pas péris dans la flamme,
Et n'ont pas perdu leurs brillants dans la flamme et dans la fumée
Et communiquent leurs rêves printaniers
A leurs frères, les campanelles champètres.

Et une jeune fille, très belle,
Les boucles d'oreille chantants essaie
C'est elle dans ce midi bleu
À l'époque passée?
J'entends les carillons des centenaires
Je vois les braslets et les démdorams
En dépit des incendies et des discordes,
La main prédise leur donne l'immortalité.

Parmi les ornements – amulettes les Idnacars portaient sur leurs poitrines l'image d'oiseau. Voilà un produit de bronze, à la poitrine largement développée ses ailes de plume – et la tête de l'homme ne regarde que directement dans les yeux. Que voudrait dire le maître produisant son art? Qu'est-ce qu'il voudrait voir dans l'oiseau – l'homme, son âme, son esprit? Ne voudrait-il voler en rêve, l'ancien maître? Peut-être je sois l'un de sa branche? Pendant toute ma vie je me vois voler malgré que, je vous assure, je n'aie jamais ni plumes ni ailes. L'oiseau, né voler en oudmourth c' est tylobourdo que signifie avec les plumes et les ailes.

Non, je n'aie ni plumes ni ailes.
Tout de même, n'étant ni cane, ni chouette
Dans la forêt je me dépêche constamment, les champs m'attirent

Озьы кырӟаз,
Вераз меми,
Кулон дйсьсэ вуронъяз.
Шурысь ӧӧжез
Ыбом шат ми?
Луд ӧӧж-меми – улоз на!

Сйзьыл куазен
Шуред кынмоз.
Меми лобӟоз кыдёке.
Ӧӧжлэсь мӧзмо.
Витё ни мон:
Улэп меда кытын ке?

Кезьыт, кема
Лек тол ӧӧже
Сюлэм шуген уломы.
Кытын меми?
Кытын ӧӧже?
Лымы пелля урамын.

Вуко сьӧрысь
Сьӧд мур коже
Кожытэк-а чидалом?
Тулыс куазен
Пурысь ӧӧже
Дор палъёсам уялоз.

Кузьмадёнъёс, мифъёс юрттэмъя, каллен, туж каллен пыриськом ми тынад пыдлояд, Иднакар! Соос милемыз, ветлыны дышетскись пичиосыз кадь, китймы валтыса-а нуо азьлане?

Донды батыр кулэм бере, шуэ одйгез мадён, солэн уртэз, юсьлы пӧрмытскыса, инме лобзем. Берлогес ини со, Вӧсь кужым луыса, Донды выжыослэн куалаязы каръяськем. Арлы быдэ, куартолэзь вуыса, юсь шедьтоз вылэм ӵын потон пасез, нъыльдон уй но нъыльдон нунал лобалоз вылэм сяськаясь возьёс но вож-вож тэльёс, пумтэм-йылтэм эльёс вадьсытй, вуоно аръёслы Вӧсь кужым люкаса.

Музоназ веранын, озьы ик юсьлы пӧрмытскыса, кулэм бераз лобаллям батыр Идна. Со но, иське, тылыё но бурдо луылэм?

Бен, адями – со лобаны вордйськемын…
Сыӵе малпан ӧд-а возьы тон, Иднакар?
Уно муртъёс сыӵе вӧтэн уйбыртйзы.
Соос пӧлын – сйё-дано Икар.

Harmonieusement je nagerai dans les eaux propres de la rivière
Avec les ailes ou sans ailes – dans mes rêves doux
Je sois un cygne dans les cieux et les cygognes soient près de moi,
Les flûtes des rossignoles viveront dans ma gorge
Comme petite mésange je me tourne vif dans mes oeuvres.

Je n’ai ni plumes ni ailes
Mais le ciel m’appele, dans les cieux – mes amis
Aux buissons le râle grince seulement
N’ayant pas trouvé les forces pour tournoyer aux cieux probablement.

Probablement moi serais-je pendant les centenaires à Idnacar? N’aie pas attiré Idnacar-batyr moi aussi à soi?

Le soleil se lève, le soleil se couche
Dans la nuit sombre crie la chouette
Jalouse à mon bonheur
Dans la forêt au-delà de la rivière me gronde
Ma vie est heureuse autant que je sache
En jouant, dans la forêt je cours le matin tôt –
Autant que le soleil se lève la chouette se tait
Les bouvreuils aux poitrines rouges parlent dans la forêt
Ils me parlent
Tantôt me taquinant – se cachent dans la verdûre du sapin
Et là pareil aux enfants de soleil débrouillards
La forêt de conifères brille.

De ce brille de bouvreuils je me remplis aussi
Comme aux ailes de bonheur je vole à la maison
Quand au creux les chouettes s’endorment
En accumulant en soi le méchant contre le soleil et le bonheur
Le soleil se lève, le soleil se couche
Pendant la nuit sombre crient les chouettes
La lune se lève, la lune s’éteint
Le soleil se relève au lieu d’elle

Derrière la porte d’Idnacar je reverrais un tableau pareil?

Quand je mourai,
Mon âme
Se transformera en une cane grise
Je me réveille le matin,
Je m’en vais chercher l’eau
Comme un tourbillon noir je sois!
Ainsi chantait

Уйвӧтъёсаз ӧвӧл – югыт дунне азьын
Дедал-аийз солы бурдъёс сазназ,
Лулыз, оло, – ма кин тодэ? – лобӟиз,
Нош мугорыз ӧз быгаты, ӧз на!
Икар, тынад ӧрӟи кадь дйсьтэмед
Усеменыд валче чиптэм-чаптэм ӧз ур –
Виро ожъёс, сютэм аръёс пыртй
Вуиз адямилы лобан даур.
Ми лобаськом бурдоослэсь ӝоггес,
Тылобурдо сярысь, вылэ но кыдёке…
Адями лул тылобурдо пушкын
Вордйськеммес-а возьмаса пуке?
Юнме меда одйг мурт – зэм ӧрӟи,
Нош мукетыз – учы выллем ненег…
Лулмес-уртмес, асьме вордйськытозь,
Медам возь вал кочо-куака гинэ.

Бен, адями – со лобаны вордйськемын.
Улэп дыръям ӧй сузь Идна кеме.
Озьы ке но, кулэм берам потэ вал,
Идна сямен,
Юсьлы пӧрмытскеме…

Юсьлэсь дуно тылобурдо ӧй вал Иднакарын. Юсез сиён ӧз карылы калык. Юсьлэн юриськемез, шуылйзы, Инмар дорозь сузе. Оло, ачиз но со Инмар кеме туба?

Чилекъям кадь лоба тодьы юсь,
Инбамез кесямон черекъя:
Кыче ке но йӧнтэм пӧшурась,
Кузпалзэ ыбыса, серекъя.
Юсь адзе гажанзэ му вылысь,
Кайгыре но карга гыжкалэз,
Улйгес лэзиське но
Выльысь
Пукыч ньӧл ыбиськем кадь – вылэ!
Кузпалзэ-а чортэ тодьы юсь?
Кинлэсь ке юрттэмзэ-а возьма?
Инмарлы юриське, оло, туж,
Оло нош, со ачиз ни Инмар?
Со люказ, дыр, берпум осконзэ,
Бурдъёссэ мугораз шымыртйз,
Черектйз на огпол со –
Музэ
Оло юсь омырскиз,

Parlait ma mère
Quand elle cousait son vêtement de deuil
La cane dans le fleuve
Puis- je la tuer?
Que la cane-mère vive!

En automne
Le fleuve se géle
Ma mère s’envole loin.
Je m’ennuie à la cane
Je l’attends
Vive-t-elle encore et où?

Au cours de l’hiver froide et longue
De l’hiver rigoureuse
Je vise en alarme où est ma mère?
Où est la cane?

Que la neige tourbillonne.
Envers au torrent sombre
Derrière le moulin,
Puissions-nous ne pas tourner?
Au printemps
Ma petite cane grise
Dans ses régions natales nage déjà.

L’esprit de religion, mythes et légendes par des voies secrètes nous emmenent chez toi, Idnacar.

Après la mort de Dondy son âme s’étant transformée en cygne, vole au ciel. Après, étant Énergie de la Prière elle revienne à la hutte de Prière pour Dondy au printemps, au mois des feuilles vertes, au mois de mai.

Et elle trouve les trous-carneaux, étant cygne, pendant quarante jours et nuits vole au-dessous des forêts et des prairies fleurissantes en ramassant la nouvelle Force, Énergie de la Prière. D’après les autres légendes fait le même l’âme d’Idna-batyr mort.

D’accord, l’homme, il est né pour voler
Idnacar, garde-t-il ces pensées réelles
Beaucoup de gens rêvent ainsi
Parmi eux – Idnacar glorieux
Pas en rêve – en réalité
Il fabrique les ailes élastiques pour soi
Que son âme puisse voler et vole
Et son corps ne pourvoie encore, non

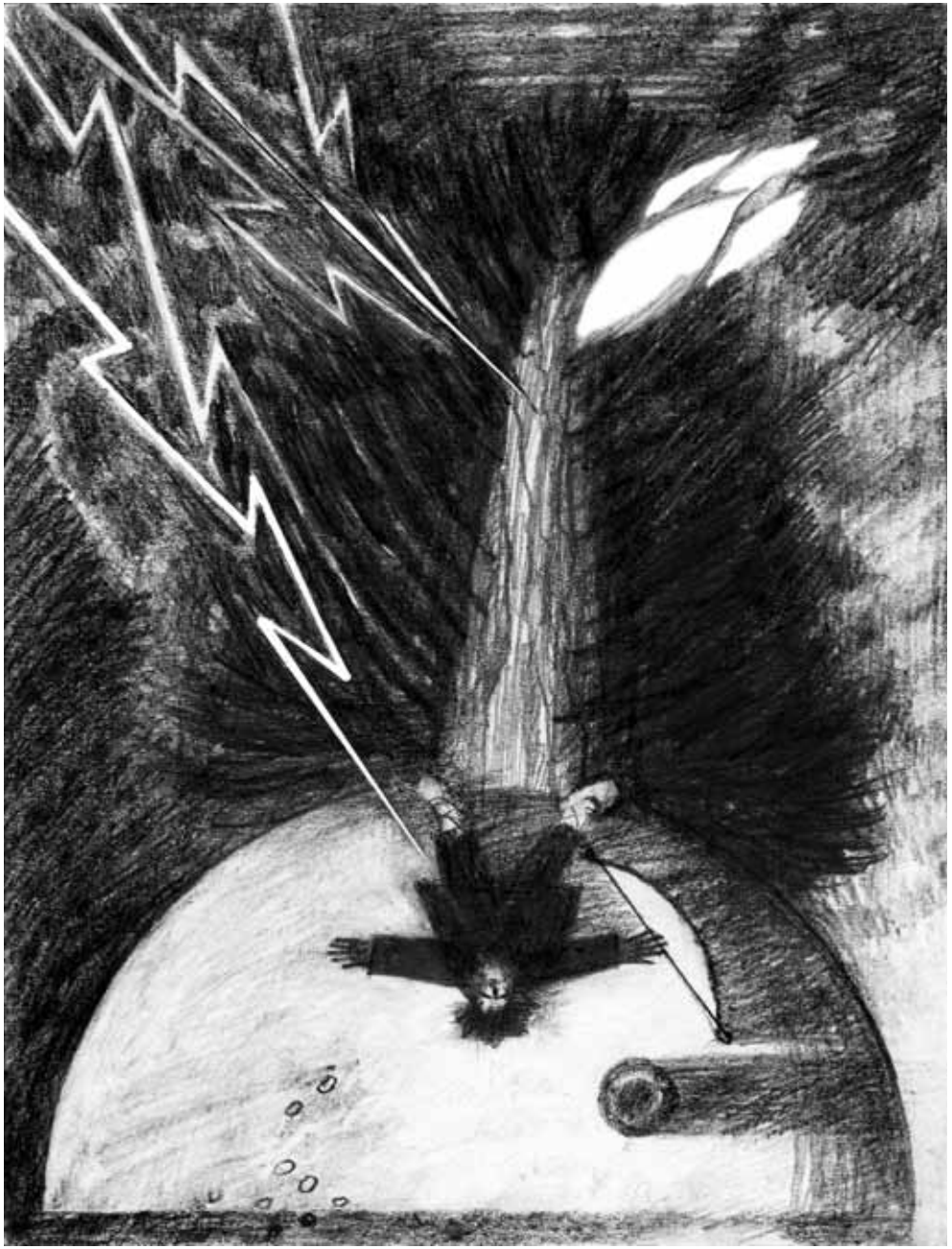
Оло из...
Соос нош ик ӵошен, кык юсьёс.
Кин тодэ, оло, нош ик лобӟо…
Шӧдтэк шорысь
Усиз пӧйшурась:
Ин ӵашйиз…
Чилектйз лек адӟон.

Куинь инмаръёссэс иднакаръёс «Мумы» кылын висъялозы вылэм: Шунды-Мумы, Гудыри-Мумы, Музъем-Мумы. Соослэн котькудзылэн – асьсэлэн быдэстоно ужзы. Шунды-Мумы кивалтэ Шундылэн уженыз. Со сярысь быдэс дуннелы ноку дугдылытэк мадьыло азвесьлэсь но туйлэсь кисьтэм но Иднакарысь алигес гинэ шедьтэм пельугыос. Нылкышно мугоръемесь соос. Выллань урдэм киоссы-вугъёссы Инбам возъет кылдыто, нош со борды, сайкыт сиоссэ пазяса, Шунды Котырес интыяськем. Быдэс Дунне Нылкыышно ки вылын возиське! Озьы уг-а шуо иднакаръёс?! Ма, зэмзэ но, туннэ ке но, зэм ик ӧвӧл меда со?

Шунды-Мумы,
Шуоз вал калыкмы,
Быдэс инмез
Ас ки вылаз возе,
Ӳуклы быдэ –
Шудэм кадь! –
Калгыны
Со
Шундыез
Ас пиысьтыз лэзе.

Озьы веран
Улйз дауръёсын,
Узьым кадь
Выльдйськиз арысь аре.
Нош кыӵе тон,
Шунды-Мумы, тусын?
Дуно тусыд
Вунйз шат табере?

Вашкалысь
Удмурт усточиос
Малпанъёссэс
Тылын ӵыжтылйзы:
Ыргон но туй,
Азвесь ибырвесьёс



Icar, ton courage d'aigle
Avec la chute de ton corps pour que le monde ne disparasse
Par les batailles sanglantes
Par les années de famine
Vienne le temps de voler de l'homme
Nous voudrions voler plus vite que des ailés
Plus haut et plus loin que des plumés
L'âme de l'homme soit au-dedans de l'oiseau
Qu'elle vive en attendant notre naissance!

C'est une peine perdue de voler seul – un vrai aigle,
Un autre – doux, comme rossignol...
Nos âmes avant notre naissance
Ne concluraient-elles seulement les corbeaux?

D'accord, l'homme est né pour voler.
En vie réelle on ne puisse pas gagner la gloire de batyr Idny.
Après la mort je voudrais,
Comme Idna, devenir cygne...

Il n'y aie pas d'oiseau sur Idnacar. Les Idnacars ne mangent pas de cygnes. Les plaintes de cygne, l'on dit, aillent jusqu'au Dieu.

Comme éclair vole le cygne,
Son cri déchire les cieux:
Un chasseur malheureux
Après avoir tué le cygne femelle
Sourit,
Le cygne-mâle voit sa bien-aimée sur la terre
Dans le malheur il maudit le scélerat
Il descend plus bas et de nouveau
Comme flèche il monte en haut!
Appelle-t-il son amie le cygne blanc?
Appelle-t-il au secours
Les plaintes au Dieu envoie-t-il
Soit-il Dieu lui-même?
On voit qu'après avoir quitté le dernier espoir
Les ailes ayant serré comme boule,
Il a crié pour la dernière fois
Et sur la terre
Soit un cygne vole
Soit une pierre
De nouveau ils seront ensemble le cygne- femelle et le cygne-mâle
Qui sait probablement volent...
Tout d'un coup le chasseur malheureux tombe

Удмурт визьмез
Яркыт возё озьы.

Я, возьматы бамдэ,
Шунды-Мумы!
Музъем-Мумы,
Тон эн ваты сое!
…Иднакарез огпол усьтыкумы,
Музъем-Мумы
Басьтйз ватйсь сюез.

Шунды-Мумы –
Зэмзэ верам калык –
Быдэс инмез
Ас ки вылаз возе,
Ӵуклы быдэ –
Шудэм кадь! –
Шудбурлы
Пизэ тани
Ас пиысьтыз лэзе.

Шудо-буро
Сюрс пол, дыр, асьмеос!
Куддыр озьы
Зэма зарни вӧтэд…

Шундыен ӵош
Шунды-Мумы пиысь
Ачим но
Потйсько
Ӵуклы быдэ.

Мумы… Меми… Вань-а удмурт кылын солэсь но дуногес валанъёс? Улон. Шунды. Нянь. Ошмес. Соос но, «меми» кадь ик, огшокчемен вераса, вань пуш дуннемес усьто. Улыны выль кужым сёто.

Иднакаръёс, вань вашкала удмуртъёс но туннэ асьмеос кадь ик, дуно лыдзисе, сйлы кариллям кышноуртэз. Али но ум-а возиське со валанзэс вераськон кыламы но? «Анай-атай», «мумы-бубы», яке «ныпи» кылъёсын но нырысь интые ум-а пуктйське нылкышно выжыез?

Ӟеч кышномурт, шуиськомы, –
Со жӧыны юрт.
Кышноосмес – кемыз! –
Жӧутйськомы.

Le ciel envoie éclair
Le châtiment!

Les Idnacars appelaient trois dieux:

Moumy: Choundy-Moumy – Mère-Soleil, Goudyry-Moumy – Mère-Eclair, Mouzième-Moumy – Mère-Terre. Chaqun d'eux avaient ses soins. Mère-Soleil dirigeait les actes de son fils – Soleil. Et à travers les siècles on nous communique et probablement à tout le monde des produits d'argent faits il y a mils centenaires et de nos jours trouvent les ornements de femme – les boucles d'oreille. Ils ont la forme de figure de femme aux bras levés. Aux bras levés en haut – agrafe, triomphe le disque aux rayons, fils de Mère-Soleil – Astre lui-même gratifiant la vie. Est-ce la philosophie de la vie confirmant que le système de l'univers est en bras de Femme.

Mère-Soleil
Dit-on en peuple,
Tout le ciel
Tient entre ses mains,
Et chaque matin
En jouant!
Fait sortir le Soleil
De ses seins

Et qu'en-dira-t-on
Cela se passe des centenaires
Renouvelant comme les blés d'hiver,
Avec chaque génération.
Mais comment fût ton apparence, Mère-Soleil?
Comment fût -elle?
Connaisse-t-on
Quelqu'un?
On la rappelle maintenant
Quelqu'un et qui?

Les anciens maîtres
Leurs pensées et leur rêves
Opérâssent en flamme et en métal –
De cuivres, de bronzes,
Des amulettes-ibyrvecy d'argent
Sont aujourd'hui avec nous
Qu'est-ce qu'on porte au lieu d'eux

Montre-nous, Mère-Soleil
Ton visage!
Mère-Terre,

Кышно гинэ
Ӧвӧл ай кышномурт,
Дано нимыз кышномуртлэн –
Меми.

Вордскем шаер
Меми ӟечен шока.
Соин ик
Кырӟаськом но ӝож гурен:
Меми ке вань,
Шулдыр вордскем корка,
Меми ӧвӧл ке,
Шулдырез быре.

Мемиен ӧош
Чебер гуръёс уло.
Меми ӟечен
Дунне вордйськемын.
Соин ик, дыр,
Удмурт пӧлысь кылод:
Вань мемилы меми –
Шунды-Мумы.

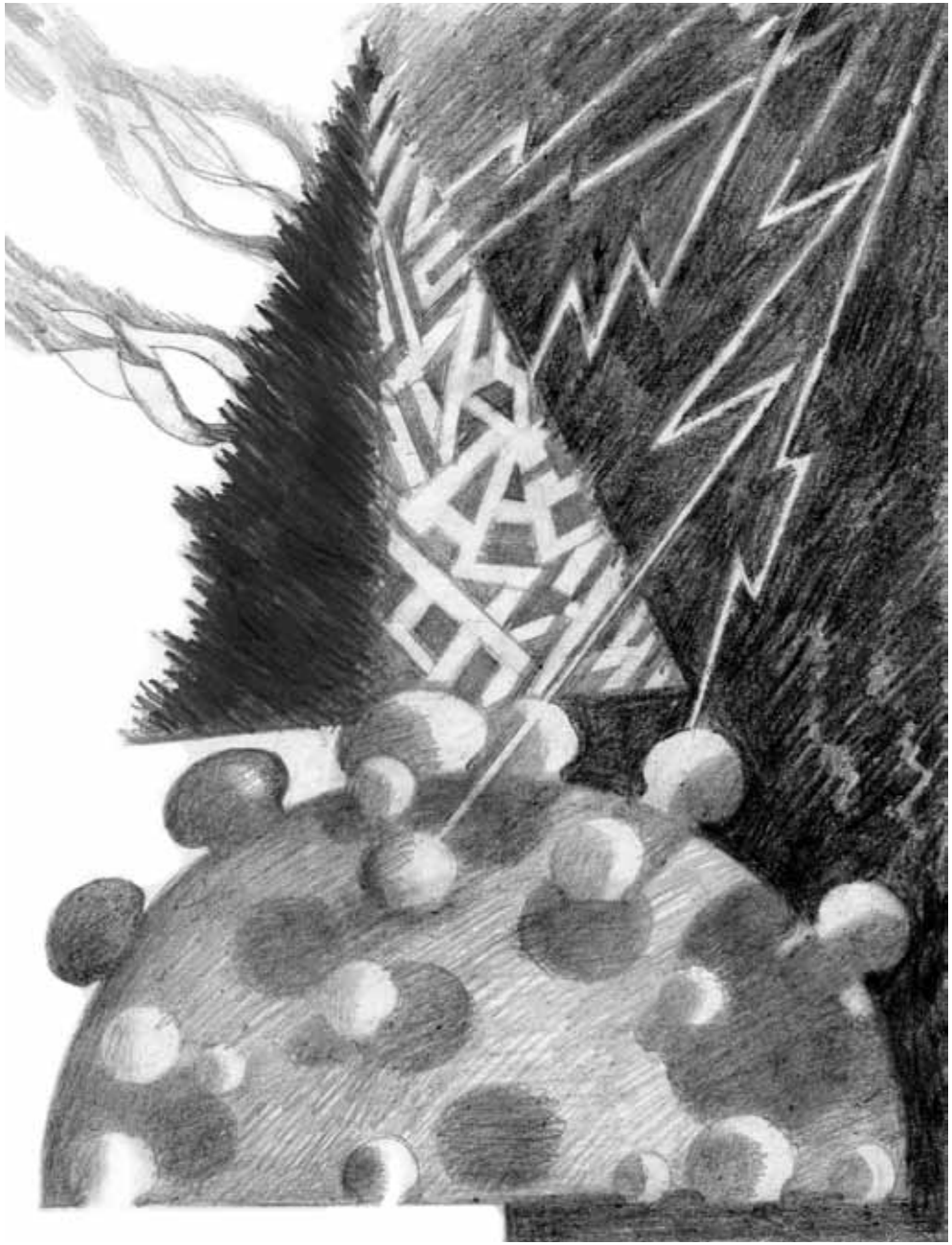
Шунды-Мумы, зэмзэ но, ваньмес сюдэ-вордэ, лӥятэ, будэтэ. Нош Гудыри-Мумы? Мар-о меда ӟечсэ сётэ таиз асьмелы?

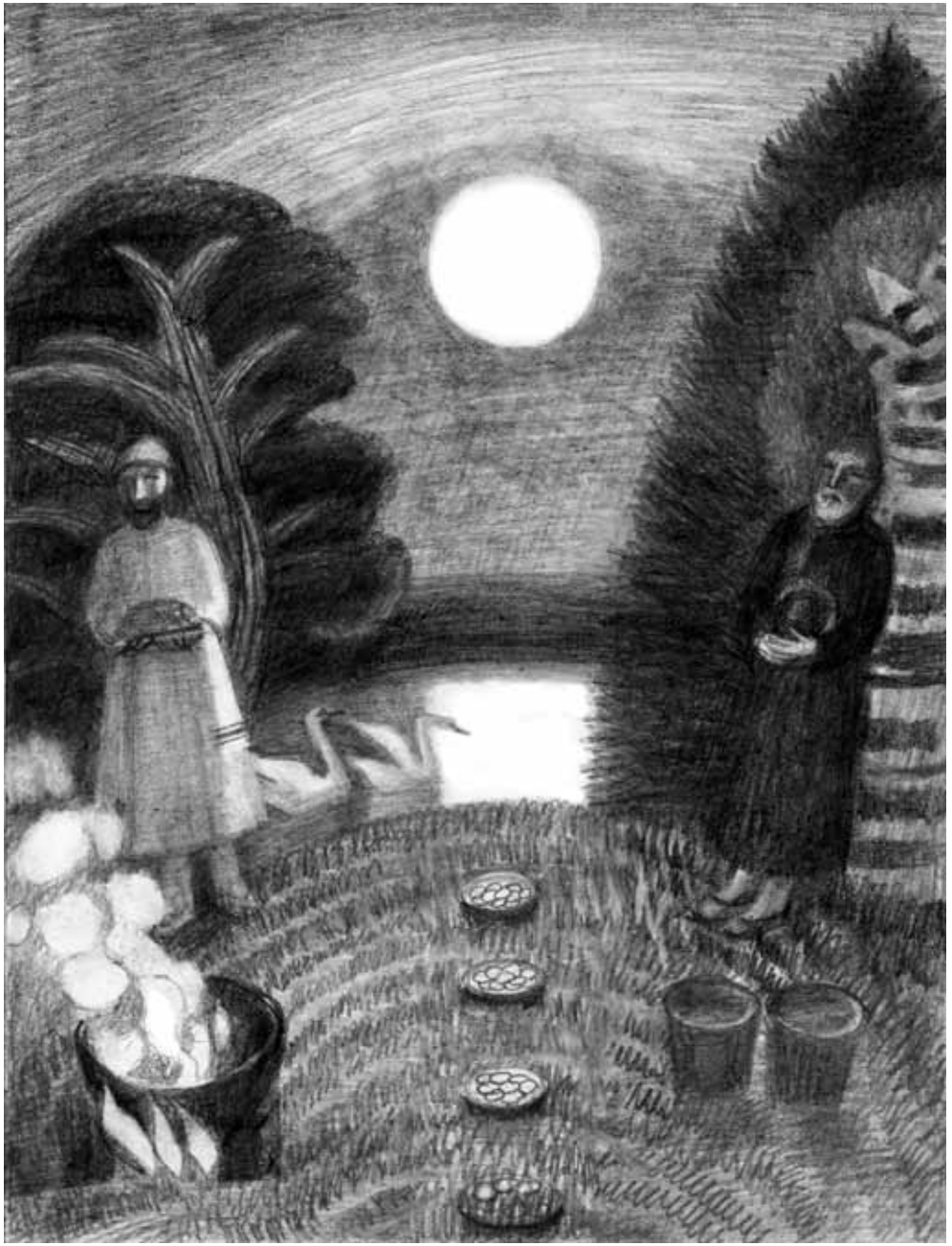
Иднакар бамын, вож гуждор пӧлын – юг пишто гудырипузъёс. Кин-о меда соосыз пузаз, Мумызы, Гудыри ке ӧз?

Гудыри-Мумы
Му вылэ пузаз -
Огезлэсь чебер
Мукетыз вӧзаз.
Гудырипузэз
Шунды-Ма шунтйз,
Гудырипузысь
Гудыри потйз.

Со али пичи –
Нукыртэ гинэ,
Уз, уз йӧтылы
Ноку нокинэ!

Но тани будйз но
Гудыр-р! гудыртйз –





Jette de lui
Une boule de terre...
Et les vestiges d'Idnacar
De ses richesses jettées
Dont on ne puisse rêver

Mère-Soleil
On nous dit exactement,
Tout le ciel
Tient entre ses mains
Et chaque matin –
Le soleil
Fait sortir
De ses seins.

Le bonheur est impossible
Devient-il possible?
Parfois se réalisent
Les rêves d'or

Avec le Soleil
Des seins de ma Mère
Chaque matin
Je sors moi-même

Mère... Memi... Y-a-t-il en oudmourth le mot le plus cher que celui? Vie. Soleil. Pain. Source. Ils entourent ce mot Memi.

Les Idnacars appreciaient hautement comme les Oudmourths d'aujourd'hui le statut de Femme, l'hônoraient. Son estime, sa grande signification dans la vie comme sculpture s'est réalisé à jamais dans le lexis, par exemple dans l'expression telles que parents (moumy-bouby, anai-atai), enfants (nylpi), dans ces notions on voit la présence de femme : dans la langue moderne oudmourthe –moumy (anai) – mère , bouby (atai) – père, nyl – petite fille, pi – garçon. Soleil en mythologie russe batuchka (en folclore russe il existe l'expression Soleil-Batuchka), en oudmourthe – Moumy, Mère (Choundy-Moumy).

La femme bonne, nous disons, –
Est la moitié de foyer
Nos femmes l'envahissent – de droit! –
Montent
Ne fût-elle épouse
La femme?
Le nom glorieux de femme –
Mère!

Кинлы мар понна
Туж лек чилектйз?

Эн ай, эн кышка
Тон, пичи пузырь,
Сьӧлыктэм муртэ
Со уз иса, дыр.
Нош тонэ, Шайтан,
Со утча, лэся, –
Шибоды тылэн
Инбамез кеся.

Мед ик, мед ӵашъёз
Шаянтйсьёсты,
Адями сюлмысь
Вир юисьёсты!

Гудыръян дыръя
Кырсь-пожлы кышкыт,
Гудыри бере
Ин но му чылкыт.

Гудыри-Мумы
Возь вылэ пузаз,
Нош солэн вӧзаз
Льӧль сяська ӝужаз.

Ачим но мон уно пол ӧй-а поталля Гудыри пыр?! Ӧз-а сузялля лулмесюлэмме солэн дунатэм дуннеез? Возь вылэ ӝужам льӧль сяська но – оло, со мынам ик выльдйськем лулы?

Гужем куазен инвожо выллем, та сяська шуак вазиз мыным музон чингыли куараен. Таӵе ик шӧдй мон соку калыкелэсь, куке но соку Выжы Книгазэ ыштэменыз валче, ноку но адзылымтэ чигиськонзэ. Кызьы чида на, уг чигылы, сое тодаз вайылэ ке, Иднакар бамалысь льӧль сяська но? Тынад но сюлэмад уг-а йӧты, гажано лыдзисе, калык кузьмадёнъёсысь удмуртъёслэсь Выжы Книгазэс сутэм-быдтэм сярысь дауръёс пыр асьме доры шуккиськыса вуэм ивор? Калыклмылэсь быдэс азьлапал пыдазьзэ йырчукин ӧз-а бекырты со Книгаез сутэм тыл?

Утэмкаре, кудзэ Донды пуктйз
Чагыр Чупчи шурлэн шормуӵ вылаз,
Быдзым вӧсясь Выжы Книга вуттйз,
Озьы сое утёз шуыса, валаз.

La terre natale
De la bonté de mère respire.
A cause de cela
Nous chantons avec tristesse :
Avec la mère le foyer paternel est chaud
Quand la mère est morte
La chaleur s’éteint

Avec la mère
Sonnent les chants mélodieux
De la bonté maternelle
Est né l’univers lui-même
On l’appelle parmi les Oudmourths:
A toutes les mères est mère
Soleil-Matouchka.

Mère-Soleil tout le monde la chauffe et nourit. Soit-elle Mère-Orage mère? Qu’est-ce qu’elle donne aux gens? Au versant du mont Idnacar à la clairière verte blanchissent les vessus-de-loup, en oudmourth goudyrypouzieus, oeufs de l’orage. Qui les aie pendus? Ce ne soit Mère-Orage?

Mère-Orage
Aie pendu sur terre les oeufs –
Régale pour les yeux - tous
Ils fûssent côte à côte.
L’oeuf d’orage
Soleil-Mère aie chauffé
D’où
Orage est né
Il est encore petit –
Marmotte seulement,
Non, il n’est touché
Personne!
Mais il a grandi
Goudyr-r! A tonné
Qui et pourquoi
L’éclair étincelle?
Non, elle n’aie pas peur,
Petite boule,
Innocente elle n’alarme personne
Apparemment,
Et toi, Chaïtan,
Tu cherches, c’est fort probable –
Les cuirasses de feu

Шунды пуксён палась ивор лыктйз:
Кылдысинмес, пе, саптаны тыршо,
Выжыосмес но быдтозы, оло,
Дауръёсын люкам визьбуръёсмес,
Улон радмес, ӟечлы осконъёсмес.

Со Книгалы Быдӟым Куала пуктйз,
Вань улосэз Шунды кадь югдытйз.

Идна татчы шуг мылкыдын лыктйз –
Быдӟым вӧсясь ини сое возьмам.
Со Книгазэ кияз кутйз, усьтйз,
Пересьёслэсь визь пусъёссэс лыдӟиз:
Батыр муртлы Выжы кужым кузьмаз.

Со улӟытйз вӧсяськонлэсь радзэ,
Инмар но, Куазь но Кылдысин кудзэ
Уд выжылы, шудзэ кадь, сазназы.

Удмуртъёслэн атай кадь батырзы
Визь Книгалы музозь ик йыбырттйз,
Уд выжылы уно даур сйзиз.

Тодйз ни со: вуо сьӧд кырныжъёс,
Шунды пуксён палась ваё кайгу.
Мудоръёсы мертчо лэчыт тйръёс.
Сыче адӟон ӧз ву на вал ноку...

.....

Выжы Книга зэмзэ но сутэмын.
Кылдысинлэн ӟечез вунэтэмын.

Но уд-выжы кылёз-а пушйытэк?
Ю-нянь будоз-а нош Кылдысинтэк?..

* * *

Чупчи кузя
Вортто валъёс, вортто –
Вайыжъёссы ярдуръёсы кылё...

Улэп дунне кадь
Та удмурт музъем –
Ачиз ини
Выжы Книга, оло?

Les cieux les coupe en petites tailles
Qu'il batte
Les têtes,
Maudites
Le sang des gens suce!

Pendant l'orage
Ayez peur des Esprits malins
Et après l'orage
Ciel et terre sont candides
... Mère-Orage
Aie pendue les oeufs sur le pré
Auprès fleurisse
Une fleur vermeille.

Je vois cette fleur, mise au monde de Mère-Orage. Peut-être moi-même je fus passé par l'orage écurant l'air que je respire? Fût mon âme renouvelée cette fleur vermeille sur le pré? Fût-elle qui aie éclairée dans ma conscience les légendes séculaires des tragédies sans précedent de mon peuple liées avec la perte de son Écriture Sainte? Cette tragédie de laquelle je ressens une douleur aiguë à la poitrine.

Dans Outemcar, érigé par Dondy-batyr
Sur l'île au milieu de Kama-fleuve
Grand Prêtre (Bytzim Vocias) distribusse l'Écriture Sainte.
Il aie compris: à cette manière il la sauve.
Au coucher du soleil la nouvelle vienne:
L'ennemi raille à Kyldycine,
Tout le clan oudmourth fasse périr
Le bon mémoire des aïeuls ramasse pendant des centenaires,
Tout le tire-lire quotidien et la foi en bonté,
Pour installer l'Écriture Sainte, il aie érigé Grand Kouala –
Que le soleil illumine le monde autour.

Idna y vinsse le coeur gros
Grand Prêtre l'attend
L'Écriture Sainte prise, découverte
Donne au batyr la force de clan.
Page après page lise-t-il les signes – poucy
A cette manière il fasse Prière,
Telle à qui Inmar et Kyldycine et Kouaze
Aux gens du clan Oud, comme bonheur aient donné.
Batyr aie écouté les mots de l'Écriture Sainte
Et l'aie saluée dans sa vénération,
Et veuille aux gens de clan de la vigueur d'âme et de la patience.

Il sût déjà: les corbeux noirs s'approchent,
Portent avec le Coucher de soleil le malheur.
L'acier des hachettes s'enfonce au moudory
Rien de pareil ne sait le clan depuis toute sa vie...

L'Écriture Sainte fût abolie aussi
Les prières – couriscony fussent oubliées
Mais le blé se naîsse-t-il sans Kyldycine?
Mais le tribu Oud – germe verra-t-il les pousses?
Rentre chez nous Kyldycine! Saluons ensemble
La Terre Oudmourthe! Les peuples de ces lieux locaux
La Terre même a créé l'Écriture Sainte!

Sur Idnacar comme dans les autres lieux locaux où vivent les Oudmourths fussent les foyers nommés kouala où vivent aussi les âmes, dieux de clan, où les gens font les actes de vénération. Maintenant il n'y a pas de foyers, il y a les arabesques dans la terre. Et comment vivre à Idnacar sans kouala? Pour la bonté apportée par Idnacar je me bâts, mes amis, pour lui kouala!

Sur Idnacar aujourd'hui il n'y a pas de kouala.
Sur les quatre coins les restes des pils échouent.
Par l'épaisseur des siècles transparant à travers le feu du foyer.
Sur Idnacar aujourd'hui il n'y a pas de kouala.
C'est pourquoi gémissent les esprits mortuaires?
Dans la pinède je respirerai les forces
Coupe la cage, relève kouala –
Que l'ancienneté nous fasse revenir la bonté!
A la pinède j'inspire les forces,
La nouvelle kouala respire dans ces lieux locaux!

Dès le matin très tôt le ciel devient vermeil
J'ouvre la nouvelle kouala sentant le goudron
Je prends ma nappe, luisante comme la neige par sa blancheur,
Dès le matin très tôt le ciel devient vermeil
Je vais dans les fleurs, descends dans les prés.

Le cygne blanc y volait aux airs
Il inculquait l'esprit ailé?
Où aurait semé l'esprit ailé?
Le cygne blanc y volait
Est-ce que c'est à cause de ma kouala réussie?

Удмуртъёслэн котькуд улон интыосазы сямен ик, Иднакарын вылйллям куалаос – ас выжы воршудъёссылы вöсяськон интыос. Табере татын куалаос öвöл ни. Бервылъёссы гинэ музъем пушкы пужыятйськыса кылиллям. Нош кызьы-о улоз Иднакар куалатэк?! Иднакар дуннелэн асьмелы ӟеч лэсьтэмез понна, оло, пичи ке но солы ӟеч лэсьтыны быгато али мон но ?

Иднакарын туннэ куала öвöл ни.
Ньыль сэрегын юбо гуос гушто.
Аръёс пыртӥ тыл гизьыос пишто.
Иднакарын туннэ куала öвöл ни.
Соин, оло, татын уртъёс ӝушто.

Пужым ягысь аслым кужым басьто но
Бугро ӵупо, выльыс ӝуто куала –
Берекетсэ мед берыктоз на вашкала!
Пужым ягысь аслым кужым басьто но,
Вылез куала шокчоз на та палан.

Ӵукна ик вазь, инбам ай ӟаректоз на –
Сир зын лэсъясь выль куаламе усьто,
Лымы кадь юг-юг ӝök кышет басьто,
Ӵукна ик вазь, инбам ай ӟаректоз на –
Сяська пӧлы, возьвылъёсы васько.

Тöдьы юсед та шаертӥ ширъяз вал –
Выль Вöсь кизиз-а, я вужзэ выльдйз?
Оло ке нош, бурдо сямзэ вöлдйз?
Тöдьы юсед та шаертӥ ширъяз вал –
Соин, лэся, выль куалае кылдйз.

Шыпыт ӵукна Выль Вöсь омыръяло но
Тöдьы ӝök кышетам лякыт гинэ кертто,
Инву гуре сое, шуре сямен, ветто,
Шыпыт ӵукна Выль Вöсь омыръяло но
Выль куалаям выль кузёзэ вутто.

Дунне вылын кöня удмурт калык вань –
Выль Вöсь медам сёты йырбыттонлы!
Весь мед вордоз шудбур но тазалык!
Дунне вылын кöня удмурт калык вань –
Выжыослы ваньмы йыбырттомы!

28.05.2005.

Dans le silence matinal je puise la Force nouvelle de la Prière
Et dans la nappe blanche avec amour l'enveloppant
Et la plongeant dans la mélodie de la rosée celeste
Dans le silence matinal je puise la Force nouvelle de la Prière -
Laquelle dans la nouvelle kouala
Le nouveau souverain nous emmène.

Dans le monde tous les Oudmourths qui existent –
Cette Prière ne permet vexer personne
Si le Paradis éternel existe
Dans le monde à tous les Oudmourths qui existent
Tous et toutes font serments à nos racines!
Moudor, sainteté de kouala!
Libre de gloire et de réprobation!
Prends les sanglots dans le silence sonore
Pour la Genèse
Livre des livres réduit en cendres
Contre la volonté de Kyldycin

Moudor, sainteté de kouala
Libre de gloire et de dénigrement
Sanglote dans le silence de kouala
Pour le testament jetté en feu
Moudor, sainteté de kouala
Prends les larmes de père
Pour les souffrances de fils
Et tous les Oudmourths qui existent
Gardant les préceptes du passé
Comme honneur
Interprètent comme un don
N'importe quelle bonne nouvelle
Rêveuse revienne près de nous
Prière de la Force
Gardant les préceptes du passé.

Et tous les Oudmourths qui existent
Gardant les préceptes du passé
Libres de gloire et de réprobation
Prennent les préceptes du passé
Comme un don agréable, comme un testament
La Prière de Force revient
Elle est avec nous!
Que nos racines s'entrelassent
Nous existerons toujours
Libres, indépendants et glorieux!

Dans la pinède je respirerai en moi les forces
La nouvelle kouala respirerai dans les régions locales

Dès le matin précoce,
À l'aube, quand le ciel est vermeil
J'ouvrirerai la nouvelle kouala
Sentant le goudron
Comme la neige luisante de la blancheur

Dans le calme matinal
La Force de la Prière puiserai
Dans la nappe blanche avec amour envelopperai
Et dans la mélodie de la rosée céleste
La plongerai.

Je vois cette fleur que la Mère-Orage est née
Probablement moi-même j'aie passé par l'orage
Purifiant l'air que je respire
Probablement moi-même j'aie passé
Soit aussi la fleur vermeille dans les prés?

Cet orage comme le soleil de juillet
Dans la conscience des légendes centenaires
Sans précédant de mon peuple
Liées avec la perte
De l'Écriture Sainte.

De cette tragédie
Je ressents une douleur aiguë dans la poitrine
Dans mon car d'aujourd'hui
À Outemcar érigé par Dondy-batyr
Sur l'île au milieu de Kama-fleuve
Le grand sacrificateur Bydzym Vacéce
A emporté la Sainte Écriture
Car il a compris le mot
Le cygne blanc y volait aux airs

Le cygne blanc y volait aux airs
La Nouvelle Force de Prière servait
La nouvelle renouvelait
Il inculquait dans la région son esprit ailé?
Le cygne blanc y volait aux airs
C'est pourquoi ma kouala a réussi?
Dès le matin quand le ciel devient vermeil
J'ouvre ma nouvelle kouala

Le goudron sentant
Comme la neige
Au rayonnement brillant
Je prendrai la nappe

Dès le matin quand le ciel devient vermeil
Aux fleurs j'irai
Descendant aux prés
Dans la pinède
Je respirerai en moi les forces
Couperai la cage

Dans la pinède je m'en jumerai les forces
La nouvelle kouala jumerai dans les régions locales

Dès le matin précoce quand le ciel devient vermeil
J'ouvrirai la nouvelle kouala sentant le goudron
Comme neige au rayonnement brillant je prendrai la nappe
Dès le matin quand le ciel devient vermeil
Dans les fleurs j'irai, descendant aux prés

Le cygne blanc y volait aux airs –
La Nouvelle Force de la Prière servait ou la vielle renouvelait?
Ou inculquait dans les régions locales son esprit ailé?
Le cygne blanc y volait aux airs –
C'est pourquoi ma kouala se réalisera?

Dans le calme matinal
La nouvelle Force de la Prière puiserai
Et dans la nappe blanche avec amour envelopperai
Et dans la mélodie de la rosée celeste
Dans le calme matinal
La nouvelle Force de la Prière puiserai –
Dans la nouvelle kouala
Le nouveau Souverain fournirai.
Dans le monde blanc quelque peu il y a d'Oudmourths
Leur Prière ne permettra les offencer pas un seul
Que le Paradis éternel naisse!
Dans le monde blanc quelque peu il y a d'Oudmourths
Tous et toutes saluons, inclinons la tête à nos racines!

La traduction de la langue oudmourthe
en français – Natalie Dolguina.

КАК БУДТО КНИГА БЫТИЯ
(На Иднакаре)

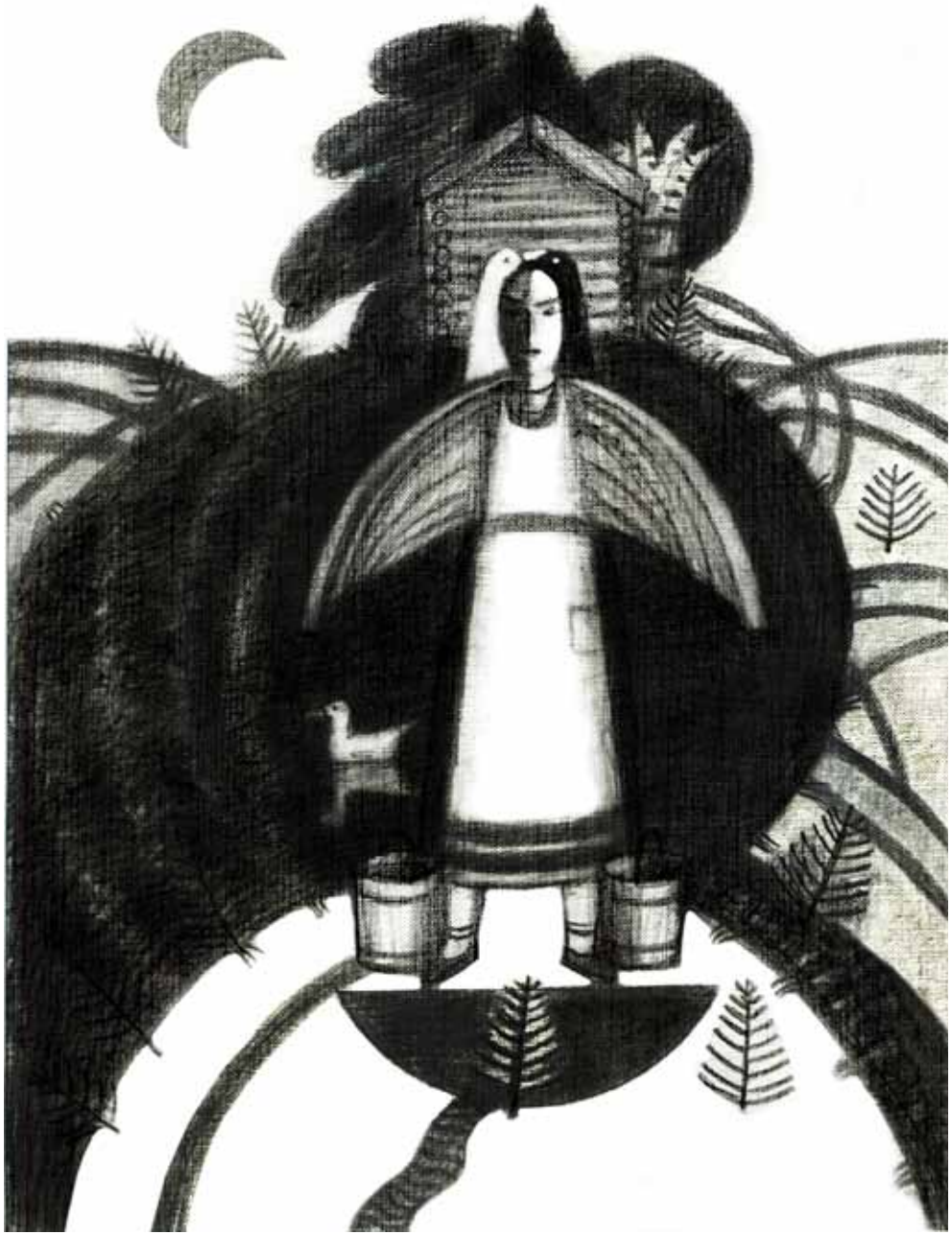
Древлеотчие сказы, легенды и книги,
Пыль архивов и пыль неторенных дорог –
Это наши оброки и наши вериги,
Неустанного поиска
Твердый урок.
В многоцветных пространствах
Подлунного мира,
В многогласом собратстве народов Земли
Пробуждаем века,
Чтобы немо и мимо
Мы и сами сквозь время
В века не ушли.

М. Г. Ивановой

Удмуртская земля –
Огромный том…
Века в себя
Впитала эта книга,
И нету в тех столетиях
Ни мига
Без горя,
Одоленного потом.

И нет побед,
Что выдались легко…
Труды и дни,
Страница за страницей,
Проходят
Перед взором вереницей,
И корни их
Уходят глубоко.

И потаенна
Сила родника –
Наш чистый символ
Племени и рода…
История
Удмуртского народа,
Светла



Твоя предвечная строка!
Прими же мудрость,
Новый человек,
Из Книги книг,
Из тайны древних строчек!
Звенящий,
Как удмуртский колокольчик,
В трудах и днях
Восходит новый век.

Отраден звон
Серебряного сна,
Где черпает рожденье
Мать-природа…
История
Удмуртского народа
Златым росткам грядущим –
Как весна.

Жил да был батыр Донды. Было у него четверо сыновей: Идна, Гурья, Весья и Зуй. Осталась в памяти народа и Эбга., сноха батыра. У каждого из них были свои крепости-кары. На севере Удмуртии поныне не забыты местечки Дондыкар, Иднакар, Гурьякар, Зуйкар, Эбгакар…

Самым крупным из них был Иднакар. Передаваемые из поколения в поколение легенды говорят, что здесь жили удмурты в IX–XIV века. Археологи, руководимые Маргаритой Григорьевной Ивановой, кому посвящена данная поэма, год за годом бережно открывают эту мудрую книгу земли, овеществляя легенды, делая их осязаемой явью. По преданиям стариков, на склоне горы Солдырь, сбегающей к реке, есть потайная железная дверь. Говорят, она открывается раз в году, выявляя богатства Иднакара. Говорят также, что драгоценный клад давно хочет отдаться в руки счастливого, да не находится человека, знающего слово заклятья. Не явилась ли ныне Маргарита Григорьевна Иванова тем человеком?

Открылся и мне этот легендарный мир, когда поднялся я на вершину холма у самого слияния Чепцы и Пызепа всего лишь в двух с половиной километрах от города Глазова.

Мой Иднакар!
Нас двое: ты да я,
Что шел на высь
Твоей стезей прямою…
Пызеп-река
Объемлет крутояр,

Твой склон другой
Чупчи, лаская, моет.

Ан – трое нас:
Когда-то эту высь
Попрал ногой
Идна с орлиным взором.
Внизу
Чупчи с Пызепом обнялись,
Любовь и жизнь
Сплели одним узором.

Батыр с вершины,
Рубежи храня,
За род и племя
Бился неустанно –
Гудя,
Булыги с голову коня
Гвоздили
По далеким вражьим станам.

О, сказки детства!
Звонкий ваш полет
Веками овевал сердца и мысли.
И верю я,
Что первый звездолет,
Взметнувшись растопить вселенский лед,
И вас возьмет
В немеряные выси!

Мы тянемся
Рассудком и душой
В седое время
Отчичей и дедов…

Но вот он – кар!
Примолк раскоп большой,
Земле
Былые тайны заповедав.

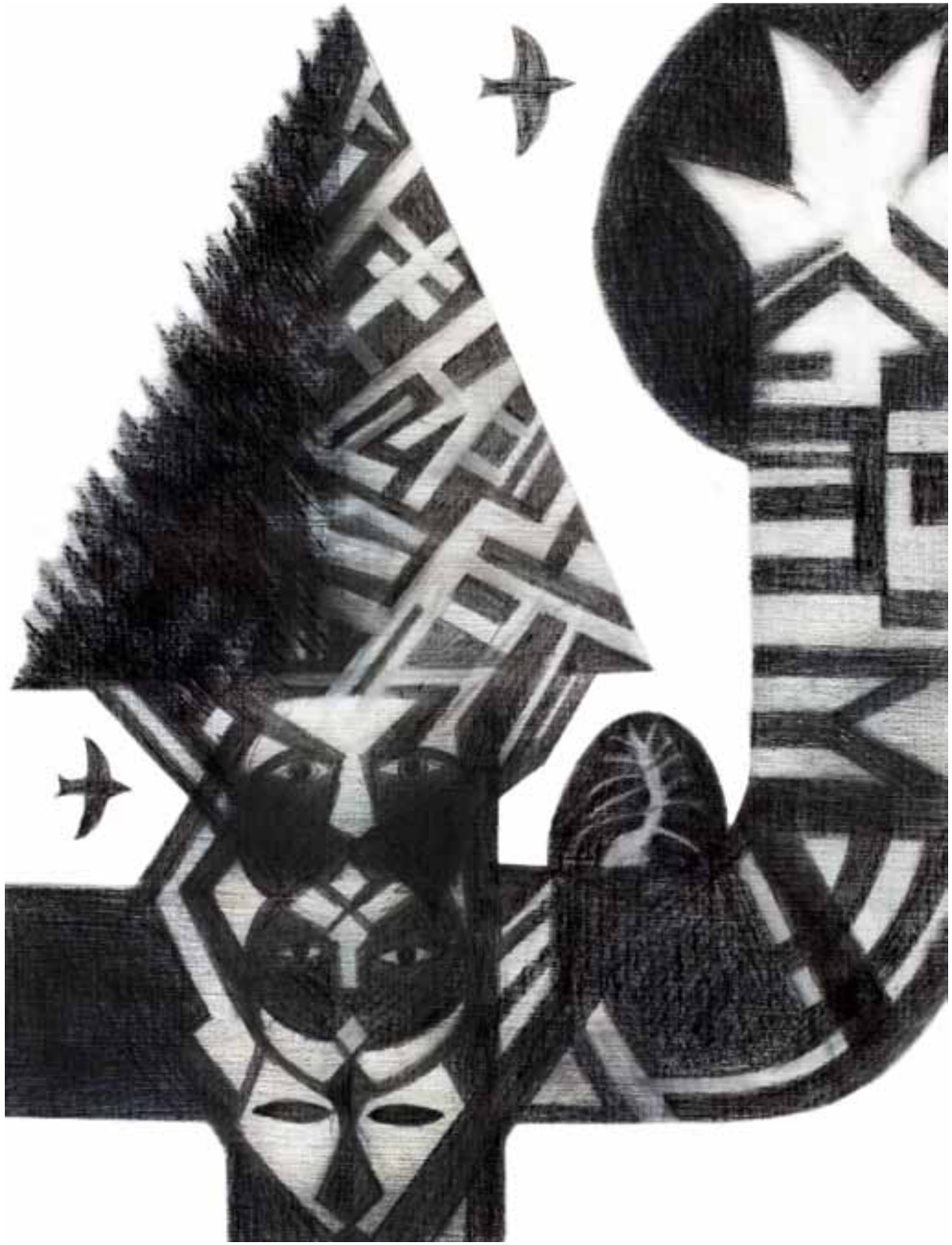
Мой Иднакар!
Батыр!
Прими поклон,
Гнезду богатырей
Творец и зодчий!

Меня судьба
Вела на этот склон –
Не приравняй меня
К иным и прочим.

Я сын тебе.
Я не помечен злом.

Богатства Иднакара, говорят, показываются людям то в виде бочки, то в виде иной домашней утвари. Однажды здесь видели и человека, одетого во всё белое, сидевшего на коне верхом. Выехав из горы Иднакар, как называют в народе Солдырь, он направился на кладбище деревни Адам и там растворился. Не был ли тот всадник самим Идной-батыром?

Прости, батыр!
В твой терем дорогой,
В твой город-кар,
Надеждами согреты,
Явились мы
С докукой непростой –
Познать его заветы и секреты.
Вручи ключи
К познанию начал,
Без коих был бы мир
Необитаем.
Ты тьму веков
Зевак не привечал –
Сжигал мосты
К своим высоким тайнам.
Но мы
Не от лукавой суеты
Пришли к тебе,
Настырные потомки.
Так отвори уста
Пред нами ты,
Молчавший,
Как молчат века-потемки.
Наш слух прилежен –
Говори, Идна,
О мирных днях творения,
О бое…
И снова станет
Стать твоя сильна,
И станем мы сильны –
Тобою!



Спасибо батыру! Он молча открыл потаенную дверь перед нами, читатель. Чем потешат нас сокровища древнего клада? Не откроет ли град загадок седого своего бытия?

Веками поджидавшие нас, не поддаваясь тлению в этой удивительно-сказочной земле, обретают сегодня живой голос свидетели былого. Рассказывают о своих хозяевах творения и поделки из камня и глины. Не одолело время, к нашему счастью, и старинных изделий из кости животных и птиц.

С утра в работе жернов Иднакара…
И ложка ждет, с резьбою по кости,
И черепки горшков исходят паром.
Обед?
Обедать некому идти…

С утра в работе жернов Иднакара.
Хозяев ждет несокрушимый круг,
И черепки горшков исходят паром…
Недвижно в граде.
Ни души вокруг…

С утра в работе жернов Иднакара,
Бессонна и тверда его стезя.
Он крутится.
И честь его (иль кара?) –
Хозяев ждать.
Ждать…
И ждать…
Хозя…

Костяные изделия попадаются среди захоронок, пожалуй, чаще всего. Древние иднакарцы украсили их «чертами и резами» своего мировоззрения, своего отношения к природе, ее обитателям.

Прилежный, на две стати, гребешок…
Содружник лаптю, кочедык из кости…
В узорах тонких, с дорогой душой
Из тьмы времен они явились в гости.
Олень…
И абрис конской головы…
В упряжке лось…
Сидит, нахохлясь, голубь…
С глубин земли,
Из камня и травы
Пришла их речь,
Где дорог каждый голос.

О чем их глас?
«Творцы грядущих лет –
Мы корни вам,
Предтечи общей крови.
Мы сбережем вас
От прорух и бед,
Простим вам всё –
Беспамятности кроме!»

Ну как забыть их!
Оттого нельзя,
Что память нам
Верстала мать-природа.
Коньы, род Белки,
Цапли род, Какся –
Мы чтим
Заветы племени и рода!

Что мастерили иднакарцы из дерева? Теперь и не скажешь. Дерево стало землёю. Остались только узоры столбов и плашмя упавших когда-то досок. А были, видно, одухотворенные вещи. О том говорят изделия из других материалов и инструменты по дереву: разных форм и назначений ножи, гыркйиськоны, курьеты… В их числе – и топор-самоточка.

Слыхал я немало сказок о скатерти-самобранке. О лаптях-самоходах слыхал. О топоре-самоточке слышать не приходилось. Но вот держу его в своих руках, и он рассказывает сам о себе. Ковали его из трёх слоёв: по краям накладывали мягкое железо, а в середину, где лезвие, вваривали твёрдую сталь. Чем больше работаешь, тем сильнее изнашивается железо, обнажается сталь, острее рубит топор. По уровню металлургии, обработки меди, серебра, стали мастера Иднакара не отставали от европейцев. Так говорят всезнающие кандидаты, доктора и… обильное разнообразие кузнечных инструментов: тиски, льячки, дувала, наковальни, молоты, формы для отливки украшений… И вот теперь, увидев нас, все они зашевелились, задвигались, зашумели, загремели, выдавая на-гора стрелы и копья, крючки и трезубцы для рыбы, для зверья…

Удмурты не раз поднимались против угнетения царизма. В XVII веке в «наказах», подписанных императором, им запрещалось держать кузницы, заниматься кузнечным ремеслом. Народ одолел и эти унижения. Кузнецы и кузницы не исчезали никогда. И мой предок четвертого поколения Обраська с берегов лесной речушки Воръявай, что ныне в Кизнерском районе, был

кузнецом. Следы кузнечного дела еще долго обозначались на пашне нашего приусадебного огорода. Оружие для битья врагов готовили удмурты и для Пугачёва, и для Великой Отечественной. Огонь и железо вливали в них силу, уверенность в себе, веру в доброе будущее. Иднакар, видно, – славная, знаковая частица всего удмуртского края.

Человек и пламя…
Люди и металл…
Станьте рядом с нами,
Кто во тьме плутал!

Нору кинь, болезный,
Долю волей тронь!
Силу даст железо,
Силу даст огонь.

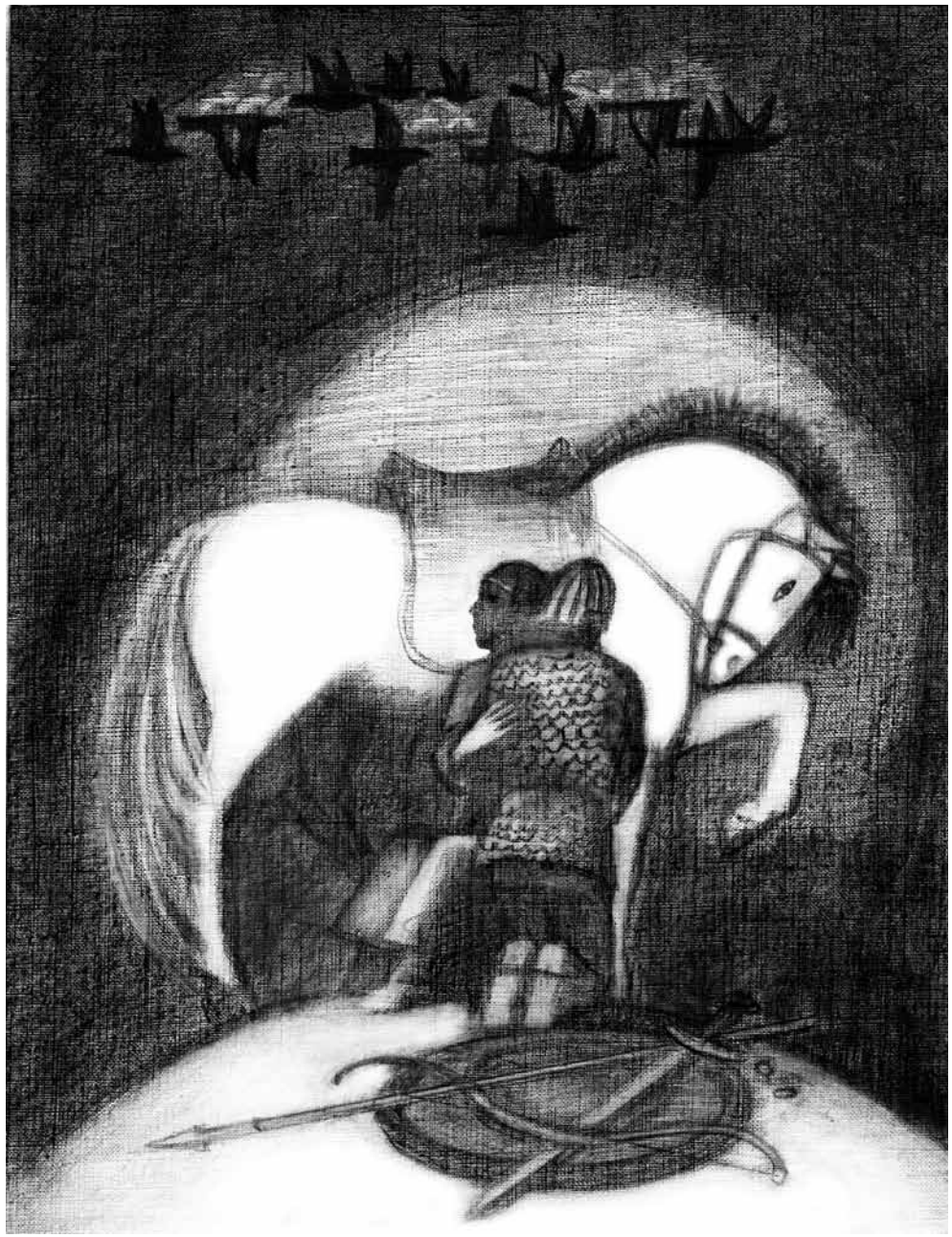
Скуй железный лемех,
Встань пред лик зари –
Близ Чупчи без лени
Пашенку взбодри!

Враг ли двинет рати,
Дай ему отпор –
Пусть в руках играет
Боевой топор!

Ляжет недруг в яму,
Битый в прах и пух.
Пугачев с Гаяном
Осенят твой дух.

Дуй, кузнец, мехами,
Не жалея сил, –
Будни не похают
Жар твоих горнил!

Солдырь-гора резко тянется ввысь при слиянии Чепцы и Пызепа. Склоны ее такими крутыми сделали иднакарцы. Не одолеть сходу эту крутизну врагу! С двух сторон кара такая крутизна. С двух других сторон – гладко да покато. И потому, как и другие средневековые крепости, Иднакар пришлось огородить заострёнными кверху брёвнами, то есть палей. За оградой – три ряда рвов, залитых водой, и три земляных вала. Удавалось ли какому-либо завоевателю пройти через эти преграды и проникнуть во внутрь крепости?



История на этот счет молчит. Однако Иднакар сам рассказывает, что вокруг городища бушевали сражения. В ожидании нашего открытия веками дремали металлические наконечники стрел, вонзившиеся некогда в земляные валы. Археологи собирают их, считают, сопоставляют… Новые знания просеивают. Чего только не встретишь среди находок на засыпанном веками дне некогда заполнявшихся водою рвов?!

Трудягою-лопатой вырыт череп,
Близ темени стрелою прободен.
Как в ночь, костяк в погибель уведен…
Трудягою-лопатой вырыт череп.
Сплясал со смертью тот, кто жить рожден.

Когда кипели тут котлы сражений?
И чей иноязычный клич звучал?
Кто первым пил из чаши поражений?
Когда кипели тут котлы сражений,
Чьи слезы были в радость, чьи – печаль?

И помянул ли «Осто!» имя Бога
Вот этот павший, меченый стрелой?
Вослед Идне лежит его дорога?
Он помянул ли «Осто!» имя Бога –
Отдавший Богу душу в сече злой?

Трудягою-лопатой вырыт череп,
Близ темени стрелою прободен…

Идна-батыр на коня не садился. Стоя на седле бросался на врагов. Те в ужасе разбегались. Оберегал батыр свой род от всей души. Но и своим доставалось, провинившимся. За что и чтили, и чтим мы его до сих пор.

Иднакар в почете,
И почтен Идна.
Эту б Селтакару
Славу-честь до дна!

Злой сосед оружных
На коней грузит.
Горе Иднакару –
Тамаша грозит.

Завистью и спесью
Мечется Селта.

Будет иднакарцам
Горе-маета!

Подступило время
Напоить палаш.
Ваш сегодня город,
А назавтра – наш.

Ах, Селта-воитель,
Голова без дна, –
Все твои затеи
Ведает Идна!

Эк, соседа тянет
Из грязи в князи!..
Возникает за ночь
Иднакар Дьзезьы!

Иднакар-Ворота…
Словно в горле кость,
Близко к Селтакару
Высится форпост.

Иднакар-Ворота
Дуром взять нельзя.
И Селта потупил
Жадные глаза.

Не по чину грёза,
Не по силам лук…
Копья с острым жалом
Побросал на луг.

Храбрый, сильный и мудрый был Идна. Умные, талантливые были у него мастера.

Река Вала (по-удмуртски «Вало», что означает «С лошадьми») не близко протекает от Иднакара. Однако и ей дали такое название не калмезы ли (одна из ветвей северных удмуртов, наравне с ватка), прибывшие со сторон Иднакара? Давно заметили они плавающих коней в Чепце и Пызепе. Заметили и признали их за души реки, воды. Их образы воссоздали в своих оберегах, носили с собой, на груди. В земле Иднакара до сих пор немало лежит их, отлитых из бронзы, вырезанных из костей. Величавую, спокойную жизнь обозначают и оберегают они.

Утка ли плещется,
Конь ли стремится
Сладить с волной – водокрутам назло?
Это и конь,
И плавучая птица:
Реку не зря называют «Вало».

Эту реку
«С лошадьми» именуют,
Помним и утицу
Не без причин:
Землю бесценную,
Почву родную
Нам добыла из бездонных пучин.

Воды журчат
И струятся лугами –
Вольно Вале
И дышать, и бежать
Между недвижимыми берегами:
Лошадь бежит,
А оглобли лежат!*

А о чем говорят нам вздыбившиеся в поединке жеребцы на вырезанных из костей головных гребнях? И эти образы лежали тысяча лет в земле Иднакара в ожидании нас? По волнообразным хвостам, свисающим вниз, так и видишь – вода торопливо струится в реку.

Оштолэзь –
Половодие, Месяц Быка.
По-апрельски вспенены, бешены реки,
Как понесшие кони в стремительном беге,
Растерявшие упряжь, седло, седока.

Позабыла степенность, взыграла, шаля,
И Чупчи-синеглазка с соседом Пызепом.
Знать, их манит в просторы, вольготно и слепо,
Пробужденно стряхнувшая одурь земля.

Что же тянет их?
Что возбужденно волнует
Потаенное, ровное сердце воды?

*Лошадь бежит, а оглобли остаются – удмуртская народная загадка. Ответ: река. – В.В.

Разрушая препоны, и мощью горды,
Жеребцами стремятся на долю иную.
Не помилуют волны, во прах разнесут
И плотину, и мост, и бобровую хатку.

У апрельской стихии жестокая хватка –
Не перечь!
А противишься – не обессудь!

Мчатся полые воды, надеждами маясь
Досконально изведать начала-концы.
Вот тогда-то, в стреже, на дыбы поднимаясь,
И зовут кобылиц на турнир жеребцы.

И грызутся, и бьются, пока не исходит
Оштолэзь, упоительный Месяц Быка.
Совы ухают заполночь.
Зори восходят.
Соловьи заливаются.
Длятся века.

Таким же вешним половодьем страстей кипело, видно, и сердце мастеров Иднакара. Много уходило времени у наших пращуров для создания самого сущего: пищи, одежды, жилья… Тем удивительнее их тяга непременно украсить всё, что добывали, что создавали их руки. Попадаются в раскопе, к примеру, множество копоушек, – и они, мелкие предметы самого прозаического бытового назначения, изукрашены узорами! Сколько браслетов, поясов, серёжек, бус накопилось в находках ученых! Серебро, бронза, медь – всё с выдумкой, всё эстетично.

Однажды участники экспедиции вернулись в Ижевск с целой связкой украшений. Все они лежали в одном захоронении. Погребенная та женщина была увешана с головы до ног серебряными и медными чингыли – колокольчиками. Колокольчики-чузырет украшали ее виски, колокольчики-бусы висели на шее, покрупнее – на груди, на поясном ремне, помельче – на запястьях, на коленях и даже на запятках… Легко представить, как переливалось искрами, какой мелодичный звон издавало всё это богатство при каждом шаге обладательницы музыки и блеска.! Не от древнего ли такого убранства женщины исходит и прославленный ныне «Танец с колокольчиками» из репертуара национального ансамбля «Италмас»?

Их достают теперь из-под земли,
Из пепелищ, слежавшихся веками,
Отлитые из солнца чингыли,

Звенящие весенними ручьями,
Горящие осеннею листовой
На пламени осеннего заката,
Овеянные древнею молвой,
Носимые невестами когда-то.
Но чингыли не сгинули в огне,
Не потускнели в копоти и дыме
И делятся мечтами по весне
С собратьями своими полевыми.
И девушка, красивая собой,
Поющие сережки примеряет –
Она ли в этот полдень голубой
Во времени былом не побывает?
Я слышу перезвоны сквозь века,
Я вижу, как браслетам и дэмдорам,
Наперекор пожарам и раздорам,
Бессмертье дарит вещая рука.
(Пер. В. Бояринова).

В качестве украшений-оберегов иднакарцы носили на груди и изображение птицы. Вот одно из них, отлитое из бронзы. Между широко развернувшимися крыльями – голова человека, смотрящего нам прямо в глаза. С какой потаенной мыслью творил мастер это произведение искусства? Верил ли он и сам, что внутри птицы таится человеческая душа? А может быть, и он, как и я, и вы, мой читатель, ощущал себя летящим – хотя бы во сне? Древний мастер! Может быть, я – много лет позже порожденная частица тебя? Ведь и я, с малого отрочества и до седых вот волос, вижу сны, где я летаю, вместо крыльев – распростертые руки, и ноги – как двигатель-ласты. Просыпаюсь я счастливым после таких снов, но всё-таки бескрылым и совсем летать не умеющим. Нет у меня ни перьев, ни крыльев, и моему телу не суждено летать. Ведь «тылобурдо», птица по-удмуртски, означает в буквальном переводе – «с перьями и крыльями».

И крыльев лишен я, и перьев лишен,
И грёзами, верно, немножко смешон:
Летать бы мне филином в поле большом,
Иль – уткою плавать, шурша камышом…
В мечтаньях бескрайних, в пленительных снах
Купаюсь, как лебедь, в небесных волнах,
Лечу журавлем на высоких крылах,
Сную, как синичка, в пичужьих делах.
И крыльев лишен я, и перьев лишен,
Но в небе летучее братство нашел…

В кусту над рекою, бескрылый душой,
Скрипит коростель, словно жмот над грошом.

Идна-батыр… Да уж не зазвал ли, не переманил ли ты меня волшебством каким туда, в твой Иднакар, в свое время великих загадок? Потерял я счет времени. Нахожусь будто в вечности.

И месяц восходит, и солнце садится,
Сове-полуночнице время трудиться.

Завидуешь мне, потаенная птица,
Что доле твоей – не под солнцем светиться?

Да, долей своей я под солнцем доволен,
И в лес спозаранку отправиться волен.

Сычи оставляют разбой и раздолье,
Поют снегири на репейниках в поле.

А после, насытясь предчувствием лета,
В еловую крепь улетают от света.

И там красногрудым уныния нету –
Племянникам солнца, приметам рассвета.

И я тосковать не имею причины –
Убога тоска, словно свет от лучины…

Сова хоронится, не кажет личины,
Копя обитателям света кручины.

Уж месяц заходит, а солнце восходит –
Сова-полуночница криком исходит.

Свой путь поднебесием месяц проходит.
И солнце восходит.
И солнце восходит!

Не заповедная ли дверь Иднакара дала мне возможность глянуть и на исток моей светлой печали?

«Когда помру –
Вселюсь душою в утку,
Душой на черный омут опущусь.

Ты по воду пойдешь погожим утром –
Я там с тобой,
Родимый сын, прощусь…»
Так пела мама, саван дошивая.
И с той поры молчит мое ружье:
Душа средь уток
Мамина, живая,
Другое воплощение ее.
Когда же утки
Осенью решатся
На древний путь в погожий край Земли,
Я буду тосковать и сокрушаться:
Как мама?
Ладно ль крылья донесли?
Засвиристит пурга
В шубейке утлой,
И вступит стужа в полные права,
Пронзит тревогой:
Как там мама-утка
По-за морем, жива ли, здорова?

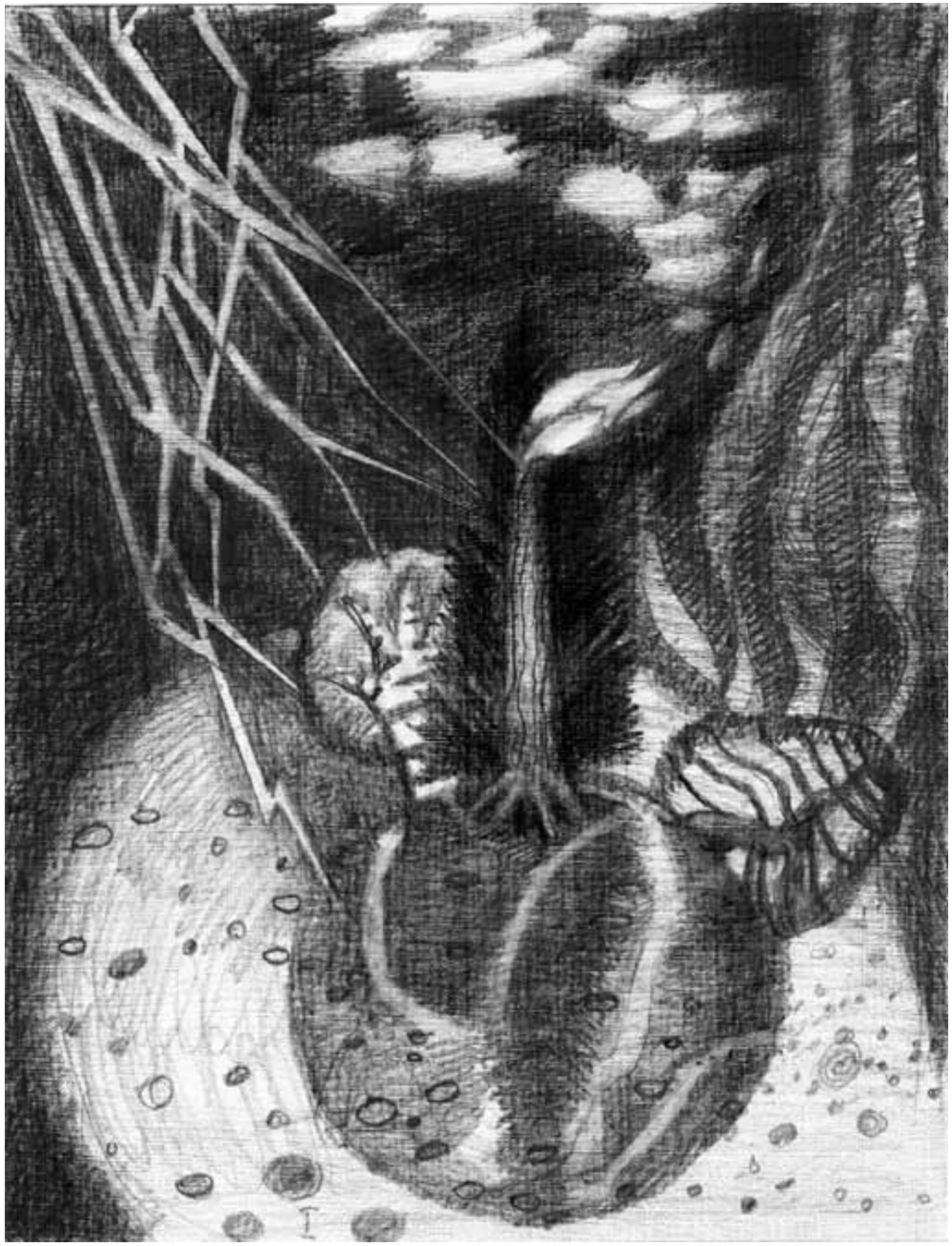
Потаенными тропами мифов и легенд, сквозь дебри времени пробиваемся мы к тебе, Иднакар!

По смерти Донды душа его, обернувшись лебедем, отлетала в заоблачную высь, чтоб впоследствии, уже в облике Энергии Молитвы, воротиться в молельный шалаш рода Донды. Весною же, как только наступал Месяц Зеленых Листьев, то есть май, отыскивала она отверстие дымохода и, снова превратившись в лебедя, сорок дней и сорок ночей летала над цветущими лугами, одевающимися в зелень лесами, набираясь новых Сил, питающих Энергию Молитвы.

В сказании другом те же действия претерпевала и душа отошедшего в иной мир Идны-батыра.

Высокой мыслью грезил Иднакар:
Высоко в небе место человеку!
Средь мириадов, чаящих об этом,
Был некогда прославленный Икар.

Дедал-отец Икару смастерил
Упругие омашистые крылья.
Рванулся ввысь Икар,
Но так случилось –
Осталась там душа, а тело стало пылью.
Да, был низвергнут



Гордый сын мечты.
В его орлиной тяге в поднебесье,
Но стал его порыв
В людской молве
Возвышенным преданием и песней.

Сквозь голод, смуту,
Брань кровавых лет,
В стремленье с неизведанным обняться,
В пространстве грёз и гроз,
В предвечный свет
Вступили мы. Пришла пора подняться!

И крылья наши
Птичьим не чета,
Они быстрей и выше в хмари зыбкой –
Но души тех,
Кто взял обличье птиц,
Следят за нами с ласковой улыбкой.

Пусть, успокоясь,
Кто-то стал орлом,
А кто-то соловью доверил душу.
Прочь, ворон черный!
Я родством с тобой
Старинной чести рода не нарушу!

Да, человек полету обречен…
Я не Идна по жизни, извините,
Но мне бы так же
Кончить путь земной –
Он стал по смерти лебедем в зените.

Не было сердцу иднакарцев птицы дороже, чем лебедь. Никогда не считали они лебедя за дичь. Не употребляли в пищу. Жалобы лебедя, говорили, доходят до слуха Бога.

Чей там в небе страдающий возглас?
Это лебедь беду протрубил:
Скуки ради охотник безмозглый,
Ухмыляясь, лебедку убил!
Тучи солнце угрюмо закрыли.
Бьется лебедь и кличет в тоске.
А лебедка раскинула крылья

На холодном горючем песке.
Белый лебедь, страданья носитель,
Богу ль жалобу гнвно несет,
Сам ли Бог он – каратель и мститель
За беду, где никто не спасет?
А надежда уже никакая.
Тает солнце во мгле, как во зле.
Птица мощные крылья смыкает
И летит, словно камень, к земле.
В кружевном оперенье, как леди,
Спит голубка, сраженная влет.
Рядом с нею покоится лебедь –
Он окончил последний полет.
Этим судьбам уже не разбиться…

Вдруг, довольный потехою злой,
Рухнул наземь безмозглый убийца,
Пораженный стрелой громовой!

Три божества носили у иднакарцев имя «Мумы»: Шунды-Мумы – Мать-Солнце, Гудыри-Мумы – Мать-Гроза, Музъем-Мумы – Мать-Земля. Каждый из этих высочайших духов имел свои заботы. Мать-Солнце опекала деяния своего сына – Солнца. Свидетельствуют об этом через многие века дошедшие до нас женские украшения – сережки. Они отлиты из серебра и бронзы в форме женщины с воздетыми вверх руками, на которых, исполняющих роль застежек, покоится солнечный диск, испускающий лучи, сын Матери-Солнца – дарующее жизнь Светило. Мироздание, и в это свято верили иднакарцы, держится на руках Женщины.

Легенду эту пращур породил:
Мать-Солнце
Воздымает купол неба.
Исходит Солнце из ее груди –
Податель жизни
И податель хлеба.
Молва о том
Идет из века в век –
Так озимь зелена весной любою.
Какой же облик
На себя кладет
Мать Солнца, какова она собою?

Она, в своем сиянии добра, –
Вочеловечна иль богоподобна?

То ведали
Одни лишь мастера,
Творя ей облик –
Так, как им удобно.

Их не туманил
Выучки дурман.
Воистину высокому служили
Их ибырвеси –
Древний талисман
И оберег на трудный случай жизни.

Мать-Солнышко,
Яви свое лицо,
Сними, как прах, с него печать земную!
…Раскопы Иднакара налицо
Величие былого знаменуют.

Мать-Солнце
Держит небо на руках,
Для нас усталых рук не опустила,
И, радуясь, играет в облаках
В ее груди рожденное Светило.

Живи, Мать-Солнце!
Следуй впереди,
Стань нам опорой в этом мире утлом!
Я вместе с Солнцем
Из твоей груди
Рождаюсь жить –
Рождаюсь что ни утро!

Мама… Меми… Есть ли в удмуртском языке слово дороже этого, короткого и емкого, как все главные в мире слова? Жизнь. Солнце. Хлеб. Родник. Они стоят рядом со словом Меми.

Мать-Солнце всех обогревает и кормит. А Мать-Гроза? Правда ли Гроза тоже является матерью? Что она дает людям? На склоне горы Иднакара, на зеленой лужайке белеют грибы-дождевики, по-удмуртски – гудырипузъёс, яички грозы. Кто же их снёс, если не Мать их, если не сама Гроза?

Не куриный клад,
Нет, не кладка птиц –
Это Мать-Гроза
Нанесла яиц.

Все рядком они,
Как жемчужины,
Солнцем-Матерью
Не остужены.

Наливаются,
Силой крепятся,
В них Гроза еще
Только теплится,
Сила копится,
Сила прочится.
Хорошо громам
Зарокочется!

И о чем они
В блеске молнии,
И о ком они
Перемолвятся?
И на чью судьбу
Горе ринется,
Ливнем бешеным
Опрокинется?

Но ни молнией,
Ни лавиною
Не сразит Гроза
Неповинного!

Туча грозная
Тяжко двинулась –
На тебя, Шайтан,
Опрокинулась!
Поразит тебя
Темным хохотом,
Огневым мечом,
Тяжким грохотом.

Бьется Мать-Гроза
Буераками
С лиходеями,
С вурдалаками.
Не проймут слова
Покаянные –
Срубит головы
Окаянные.

Злоба нечисти
Не прощается –
Божий мир Грозой
Очищается.

Кладка Мать-Грозы
Сердце радует:
Будет дождь хлебам,
Будет радуга…

Кто не видел радугу, этот цветик-семицветик, порожденный Матерью-Грозой! Я и сам не раз проходил сквозь грозу, и врачевал мою душу ее очистительный воздух. Обновленная душа распускалась аленьким цветком на лугу, совсем таким, который расцвел рядом с дождевиками на траве Иднакара. Но радость вдруг сменилась печалью. Вслед за июльским солнцем, не Гроза ли возбудила в моем сознании память о невиданных трагедиях моего народа, утерявшего некогда Священную Книгу, и не эта ли трагедия щемит сегодня сердце мое?

Донды-батыр воздвигнул Утэмкар
Там, где Чупчи намыла остров дикий.
Быдзьым Вэсясь, Великий Жрец, искал
Там ухорона для Великой Книги:
Грозил с Заката вражеский оскал.

Свирепых иноверцев рой осиный
Бахвалился, глумясь над Кылдысином,
Слепым оставить весь удмуртский род,
Лишить священной памяти народ.

И в Куале Великой, мудр и стар,
Жрец Книгу скрыл – храни ее Инмар!

К Быдзьым Вэсясю – зван и прошен был –
Идна пришел с тревожной головой,
И Жрец, что Книгу перед ним раскрыл,
Обдал батыра силой родовой.
Звучал Молитвы неустанный пыл
В священных знаках-пусах со страниц:
Инмара, Кылдысина, Куазя властью
Народу Уд она давала счастье.
И пал батыр пред Словом света ниц,
И Книге поклониться не забыл,

Чтоб род его терпенья не избыл.
Уж знал Идна: всё ближе воронье,
Несет оно с Заката солнца горе,
Сталь топоров чужих звенит в мудоре –
Святое древо гибнет, как древьё…

Святая Книга предана огню…
Молитвы-Куриськоны отзвучали…
Без Кылдысина множатся печали
И жито иссыхает на корню….

Явись, о Кылдысин, яви лицо
Народу своему, земле удмуртов!
И с Книгой, обретенной в изначалье,
Сомкнется нерушимое кольцо.

На Иднакаре, как и в других поселениях удмуртов, были строения, носившие имя «куала», – там обитали духи, родовые боги, там люди совершали обряды поклонения им. Теперь на Иднакаре таких святилищ нет. Лишь их следы узорами остались в пластах земли. А как жить Иднакару без куалы? И я решил за добро, принесенное нам Иднакаром святой по себе памятью, построить для него куалу.

Уж нет на Иднакаре куалы.
Таят следы столбов гнилых углы.
Таит седой очаг следы золы.
Следы огня в тени столетий тонут.
Уж нет на Иднакаре куалы,
Знать, оттого умерших души стонут.

Мне сил добавят сосны на бору.
Срублю я сруб, молельню соберу –
Пусть куала вздымает ввечеру
Хвалу добру торжественней и выше:
Мне сил добавят сосны на юру,
И новое святилище задышит.

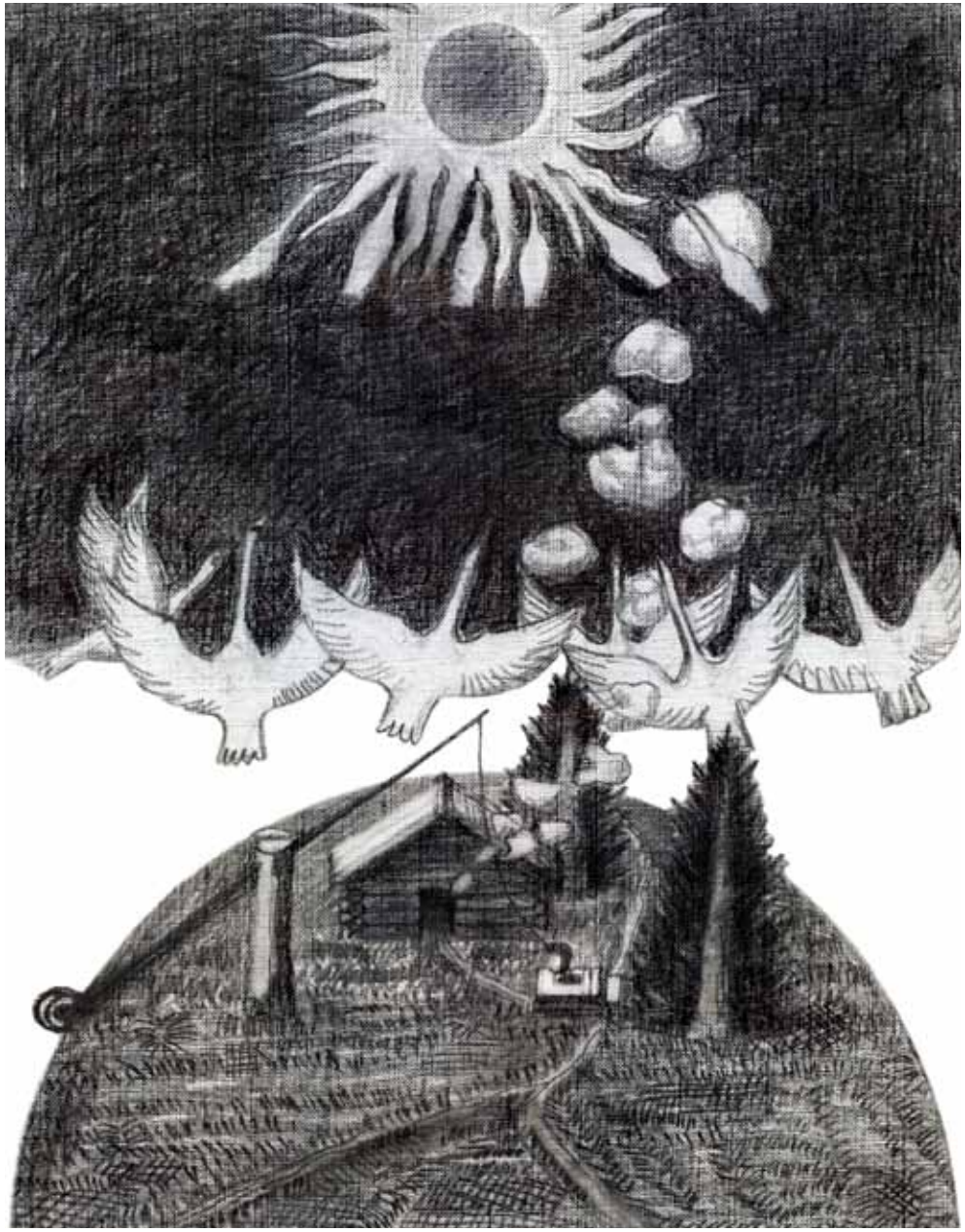
Едва рассвет взыграет на земле –
Добром согрет, не виноват во зле –
В смолой пропахшей новой куале
Возьму я скатерть белого белее.
Едва рассвет взыграет на земле,
Уйду в луга, где жар-цветок алеет.

Тут лебедь небо крыльями обнял,
В Молитве Силы – силу восполнял
И этой Силой землю оделял,
В сегодня, в наше возвращал былое.
Тут лебедь небо крыльями обнял –
И в том моя удача с куалою.

Молитве Силы – новая пора:
Я зачерпну ее в тиши утра
И в скатерть цвета света и добра
Я заверну ее, Молитву Силы,
И нового властителя воспримет
Построенная мною куала.

И все удмурты, сколько их ни есть,
Храня заветы прошлого, как честь,
Воспримут, словно дар, благую весть:
Вернулась, вновь Молитва Силы с нами!
Покуда мы сплетаемся корнями –
Нас не склонить в ярмо и не известь!

Перевел с удмуртского Анатолий Демьянов.



Ванюшев В. М. и удмуртский эпос

1

В 2006 году отдельным красочным изданием на двух языках (перевод на русский язык выполнен Анатолием Демьяновым, художественное оформление – Николаем Быковым) выпущена поэма В. М. Ванюшева «Удмурт Выжы Книга (Иднакарын)» («Как будто Книга бытия (На Иднакаре)». Она занимает центральное место в многогранном творчестве автора, это своеобразный итог в научной, поэтической, публицистической деятельности его. Толчком к написанию поэмы стали осуществленный В. Ванюшевымвольный перевод на удмуртский язык произведения М. Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков. Песни, сказания» и публикация его под названием «Дорвыжы» (2004), а также работа в таком комплексном научном учреждении, как Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН и активное сотрудничество с коллегами. Как ученый-литературовед В.Ванюшев является автором монографий «Расцвет и сближение. О типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других младописьменных литературах»(1980), «Вершины корнями сильны» (1987), «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» (1995). Он руководитель авторского коллектива и один из ответственных редакторов и авторов двухтомной «Истории удмуртской советской литературы» (1987, 1988), организатор и научный руководитель многотомного Собрания сочинений Г. Е. Верещагина – основоположника национальной литературы и науки Удмуртии.

И этот духовный мир ученого и писателя легко ложится в современное жизнеповедение автора, естественно, как бы само собою находящего самые болевые точки самоощущения своего народа. Не случайно именно он встал во главе современных исследований событий, связанных с позорным для царских властей Мултанским процессом (документальная повесть «В кого «стреляет» Мултанское дело», двухсерийный телевизионный фильм «Мултанское дело», созданный совместно с режиссером Львом Вахитовым и другие публикации на эту тему). С его активным участием по миру «зашагал» удмуртский эпос «Дорвыжы», в 2008 году изданный в Финляндии на финском языке, а в 2012 году – в Будапеште на удмуртском, русском и венгерском языках. События времен Идны и других батыров разыгрываются на сцене Национального театра Удмуртии в спектакле «Дорвыжы», поставленном артистом и режиссером Вячеславом Байковым по пьесе нашего автора.

2

Поэма «Удмурт Выжы Книга» – современное лирико-философское осмысление культурно-исторического наследия удмуртского народа, уходящего своими корнями в седую старину. В. Ванюшев поэтически реконструирует прошлое народа, в этих целях использует богатый фольклорный, этнографический, исторический материал об известном археологическом памятнике Иднакар (гнездо/городище Идны), расположенном на горе Солдырь Глазовского района при слиянии рек Чепца и Пызеп.

Иднакар – своеобразня «столица» северных удмуртов на Чепце, «земля героев», легендарная колыбель удмуртского народа.

Удмуртский героический эпос, чепецкие богатыри отражены в трудах Н. Г. Первухина, Б. Г. Гаврилова, Г. Е. Верещагина, М. Г. Худякова. В фольклоре северных удмуртов возникновение городищаИднакар рассматривалось как результат деятельности легендарных богатырей – могущественных предков. В цикле преданий повествуется, что дондинские богатыри (Донды и его сыновья Идна, Весья, Гурья и др.) основывали свои крепости на высоких угорах, невдалеке от какой-нибудь реки. В бассейне реки Чепцы городища (Дондыкар, Иднакар, Весьякар, Гурьякар) были расположены по возвышенным берегам ее правых и левых притоков. В городищах проживали наиболее зажиточные слои удмуртского населения – князья (эксэи, батыры), которые являлись представителями родоплеменной верхушки общества и основой складывающегося раннефеодального класса. Эти «кары» (городища) (их насчитывается более 30) представляли собой зачатки государственности. В городищах скапливались основные материальные ценности, именно они становились символом могущества и богатства окрестных родов. Недаром мифы и легенды вплоть до нашего времени повествуют о зарытых на площадках чепецких городищ кладах, охраняемых чудовищами. Широко распространены предания о том, что там жили великаны, богатыри, там были зарыты клады, много золота и серебра, на тех местах чудится и т.д. [4:185].

Иднакар – средневековое городище удмуртов, одно из крупнейших и самых значительных исторических памятников Прикамья. Он был известен еще с XIX века (Спицын, 1893). Первое довольно подробное описание было осуществлено Н. Г. Первухиным (1896). В разные годы чепецкие городища изучались А. П. Смирновым (1931), В. Ф. Генингом (1958), В. А. Семеновым (1976) и др. С 1974 года целенаправленные и плодотворные исследования на территории Иднакара ведутся ученым-археологом М. Г. Ивановой, результаты которых обобщены в ее монографии «Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв.» (1998). Ей и посвящена анализируемая поэма.

К решению археологических задач подключились и другие специалисты. Используя биолого-почвенные методы, биологи В. В. Туганаев и А. В. Туганаев провели агроэкологический обзор городища, отметили богатство возделываемых культур, тип ландшафта и др. («Городище Иднакар IX-XIII вв. н.э.: Агроэкологический обзор». 2001). Авторы рассматривают Иднакар как средневековый торгово-ремесленный, военно-оборонительный и общественно-административный центр северных удмуртов.

Учитывая важность Иднакара как одного из немногих городищ финно-угорского средневековья, в 1993 году Министерством культуры Удмуртской Республики принято решение о создании музея под открытым небом «Городище Иднакар». В 1997 году создан историко-культурный музей-заповедник Иднакар.

Полученные коллекции позволили начать работу по возрождению народных промыслов и использованию богатейших археологических материалов в современном декоративно-прикладном искусстве Удмуртии. Тема эпоса и богатырского периода удмуртского народа стала активно разрабатываться писателями, художниками, музыкантами (драматурги Егор Загребин, Петр Захаров, прозаики Анатолий Леонтьев,

Вячеслав Ар-Серги, ученые и писатели Василий Ванюшев, Михаил Атаманов, поэт Анатолий Перевозчиков). Уникальным явлением в культурной жизни стало возрождение старинного ритуального инструмента «крезь», занявшего прочное место в музыкальной культуре Удмуртии. Реконструируются элементы средневековых костюмных комплексов, металлических украшений и др. Весьма примечательно и то, что в оформлении геральдики Удмуртской Республики использован символ птицы с развернутыми крыльями, изображенной на украшениях из Кузьминского могильника XI-XIII веков.

3

Исследования городища Иднакар показывают, что в IX-XIII веках удмурты не отставали от других народов лесной полосы Восточной Европы. Здесь было развитое земледелие, животноводство, металлургия и металлообработка, этнокультурные и торговые связи, богатая духовная культура. Народ обладал немалым потенциалом, имел достаточно сложную, иерархически организованную сословную структуру, традиции управления, приближающиеся к государственной форме, успешно торговал с соседними странами. Иднакар выступает как общий центр всего чепецкого региона, в котором была сосредоточена верховная власть вождя-предводителя, наделенного военными, судебными, жреческими функциями [3:38].

Весь этот богатый фольклорный и археологический материал, накопленный учеными XIX и XX столетий, помог поэту и литературоведу В. Ванюшеву воссоздать поэтические картины средневекового периода удмуртского народа. Фольклорный материал имеет здесь важное историко-культурное значение. В творчестве поэта происходит принципиальное обогащение и расширение художественной интерпретации целостной традиционной культуры народа с ее научным осмыслением (история, археология, этнография, филология).

Главный пафос поэмы В. Ванюшева – гордость за свой народ, за его многовековую богатую историю. Автор радостно и искренне выражает патриотические чувства, воспевает любовь к родному краю, народу. Ему дороги и бесценны экономические, политические достижения, нравственные и эстетические идеалы соотечественников, он размышляет над глубокими вопросами бытия. Поэта интересует происхождение своего народа, он активно обращается к мифам, легендам, преданиям, научным открытиям, сочетая разные временные пласты, жанровые формы, типы повествования (поэзию и прозу), архаику и современность, прошлое и настоящее.

Поэма начинается с обращения к Земле. Известно, что у удмуртов земля священна, она воспринимается как мать-кормилица, как животворное и воспроизводящее начало.

В удмуртской мифологии Инмар одаривает землю разумом в надежде на то, что «что род от роду люди станут умнеть, а как поумнеют, то и землю полюбят, добром отплатят ей за всё».Один раз в году удмурты отмечают праздник земли, в этот день ее нельзя копать, рыть, боронить, а также запрещено поливать, сажать, сеять. Во время магического ритуала проведения первой борозды (гырыныпотон) удмурты «угощали» землю лепешками, яйцами, самогоном, в первую борозду вместе с зерном бросали яйца.

Поэт В. Ванюшев выявляет новые функции Земли, рассматривает ее как хранительницу материальных и духовных ценностей ушедших поколений. Известно, что у удмуртов была Священная книга, но она или сгорела (по одной версии) или пропала (по другой версии). В какой-то степени ее функции берет на себя земля предков, в данном случае земля Иднакара, с ее богатыми археологическими находками. Земля соотносится с древностью, с исторической памятью. Земля Иднакара хранит тайны истории и прочитывается как книга («Земля – такая же Книга»). Из этого вытекает ее следующая функция – коммуникативная, обеспечивающая связь поколений в историческом времени. Такое полисемантическое прочтение образа земли обнаруживается уже во вступлении поэмы:

Бадзым книга кадь
Та удмурт музъем.
Кӧнядаур
Пыӵатэмынпушказ?!
Кӧнявормон но
Кӧнякуректон
Музъемвылын
Шукыръяськиз-куашказ?!

Удмуртская земля -
Огромный том...
Века в себя
Впитала эта книга,
И нету в тех столетиях
Ни мига
Без горя,
Одоленного потом.
(Здесь и далее пер. А.Демьянова).

Автор говорит от лица лирического героя и кланяется Матери-земле, а затем древнему городищу Иднакару за те бесценные сокровища, которые он хранит.

Мой Иднакар! Батыр!
Прими поклон,
Гнезду богатырей
Творец и зодчий!
Меня судьба
Вела на этот склон.
Не приравняй меня
К иным и прочим.

Я сын тебе.
Я не помечен злом.

Взгляд поэта устремлен в прошлое, чтобы черпать из истории силу и мощь для настоящего и будущего. Художественным воображением автор воссоздает картины прошлой жизни, стремится осмыслить и понять происходившие на Иднакаре события IX–XIII веков. Археологические находки – изделия кузнечного ремесла, женские подвески, серьги, ритуальные пластины, детали вооружения – подтолкнули его на размышления об образе жизни далеких предков, помогли уловить их настроения, представления о мироустройстве:

С глубин земли,
Из камня и травы
Пришла их речь...

Поэт мастерски передает мироощущение своих героев – воинов и пахарей, охотников и рыбаков. Лирический герой обращается к богатырю Идне как хозяину городища, вступает с ним в живой диалог с просьбой поведать о далеком историческом прошлом, о добрых деяниях предков. И Идна-батыр открывает свои тайны, ведет читателя в свои владения, в толщу веков:

Дауръёсынкӧлйд ни тон.
Ӧд на
Ноку но мадьылыулэм-вылэмъёстэ.
Туннэ ми дась ни,
Вераськы, Идна!
Улонамыпыртом батыр тустэ.

Наш слух прилежен –
Говори, Идна,
О мирных днях творения,
О бое...
И снова станем мы сильны
Тобою!

Образ Идна-батыра как плод творческой фантазии В. Ванюшева, основанной на легендах и преданиях, привлекателен, наделен физической силой, умственными способностями, уважаем соплеменниками. «Один из самых ярких удмуртских батыров» (Г. Верещагин), он ежедневно ходил на охоту «на золотых лыжах верст на двадцать пять так, что свежеиспеченный хлеб за пазухой не успевал остыть». Идна-батыр обладает государственной мудростью: пытается объединить удмуртские племена. Он не лишен «чудесности»: умирая, превращается в лебедя.

4

Автор поэмы одержим высокой целью: он хочет с помощью образов богатырей как носителей и выразителей национальной идеи, памятников старины, силой слова постичь и оживить всё то ценное, что было создано удмуртским народом в далекой древности. В поэме как бы зазвучал перестук молотов в кузницах, радостные восклицания удачливых рыбаков, охотников, бряцанье мечей и посвист стрелы ловких воинов, перезвон монисто на женском платье... Автор-современник выражает свое восхищение творениями древних мастеров. Силой поэтического воображения В. Ванюшев рисует сцены ковки металла, обработки дерева, кости, женских украшений древними мастерами. «По уровню металлургии, обработки меди, серебра, стали мастера Иднакара не

отставали от европейцев. Так говорят всезнающие кандидаты, доктора и ... обильное разнообразие кузнечных инструментов: тиски, льячки, дувала, наковальни, молоты, формы для отливки украшений». Среди археологических находок – стрелы и копья, крючки и трезубцы для рыбы, для зверья.

Человек и пламя...
Люди и металл...
Станьте рядом с нами,
Кто во тьме плутал!
Нору кинь, болезный,
Долю волей тронь!
Силу даст железо,
Силу даст огонь.

Металлические наконечники стрел, вонзившиеся некогда в земляные валы, в черепа предков свидетельствуют о горячих сражениях, происшедших на городище. Сам Идна-батыр на коня не садился, бросался на врага «стоя на седле». За одну ночь был выстроен форпост Иднакар Зезьы, чтобы противостоять злым намерениям соседа – Селта-батыра. Идна-батыра «дуром взять нельзя»:

Не по чину грёза,
Не по силам лук.

Селта-батыру ничего не оставалось, как «копья с острым жалом побросать на луг».

Автор развивает тему оружейного дела в историческом времени. Кузнецы и кузницы не исчезали никогда. «И мой предок четвертого поколения Обраська с берегов лесной речушки Воръявай, что ныне в Кизнерском районе, был кузнецом. Следы кузнечного дела еще долго обозначались на пашне нашего приусадебного огорода. Оружие для битья врагов готовили удмурты и для Пугачева, и для Великой Отечественной». Повествователь воспринимает свое настоящее сквозь призму прошлого, живущего в нем в виде сакрального образа, связывая воедино времена и поколения. Это повествование о прошлом, живущем в нас сегодня.

5

Перед читателем проходит биография автора-героя, неразрывно связанная с историей народа, ее прошлым, настоящим и будущим. С воодушевлением повествует он о целой связке украшений, найденных в одном из захоронений: «Погребённая женщина была увешана с головы до ног серебряными и медными чингыли-колокольчиками. Колокольчики-чузырет украшали ее виски, колокольчики-бусы висели на шее, покрупнее – на груди, на поясном ремне, помельче – на запястьях, на коленях и даже на запятках... Легко представить, как переливалось искрами, какой мелодичный звон издавало всё это богатство при каждом шаге обладательницы музыки и блеска! Не от

древнего ли такого убранства женщины исходит и прославленный ныне «Танец с колокольчиками» из репертуара национального ансамбля «Италмас»?»

Женские украшения свидетельствуют о культе женщины среди иднакарцев, о ее роли как этнообразующем факторе общества. Мир держится на руках женщины, и ей посвящает свой поэтический гимн автор.

Соотечественники Идна-батыра, будучи язычниками, поклонялись живой природе и представляли себя ее частью. Они связывали свое происхождение с тотемной птицей или животным. Не об этом ли говорят найденные зооморфные и орнитоморфные обереги и образы коня, лося, белки, голубя, лебедя, утки, совы, журавля, синицы... С каждым из них связаны отдельные сюжеты в поэме. В качестве украшений-оберегов иднакарцы носили на груди отлитое из бронзы изображение птицы. Обращаясь к прошлому, автор-повествователь размышляет: «С какой потаенной мыслью творил мастер это произведение искусства? Верил ли он сам, что внутри птицы таится человеческая душа?.. Древний мастер! Может быть, я – много лет позже порожденная частица тебя? Ведь и я, с малого отрочества и до седых волос, вижу сны, где я летаю, вместо крыльев – распростертые руки, и ноги – как двигатель полета. Ведь «тылобурдо», «птица» по-удмуртски, означает в буквальном переводе – «с перьями и крыльями».

Считаем эти слова не позой и не эпатажем перед читателем – это естественное состояние человека, перешагнувшего из мира легендарно одушевленной природы в век современного творческого преобразования. Связь с природой у него так же органична, как и у его предков. Неповторимый, самобытный образ живой природы связан с процессом самопознания поэта. Воспоминания детства, картины природы наполнены глубоким эмоциональным накалом, его лирика стремится к большим поэтическим обобщениям с помощью фольклорных образов, мифопоэтических ассоциаций. Поэт выстраивает национальную картину мира, или, по выражению Г. Гачева, «космо-психо-логос» – связь с природой, бытом, языком.

6

Анимистические превращения помогают восстановить архетипическую генетическую связь с матерью, которая после своей смерти превратилась в утку. Утка – священная птица финно-угорских народов, она добывает землю со дна мирового океана. В удмуртской мифологии утка связана с материнским архетипом («ӵӧж» – «ӵуж» – «ӵужанай»– бабушка по материнской линии). В. Ванюшев как носитель самобытной культуры поэтически описывает процесс реинкарнации матери лирического субъекта:

Когда помру –
Вселюсь душою в утку,
Душой на черный омут опущусь.
Ты по воду пойдешь погожим утром –
Я там с тобой,
Родимый сын, прошусь...

Об анимистических превращениях женщины в птицу, корову в мифологии удмуртов фольклорист Т. Владыкина пишет: «Мифологема рождения / возрождения / перерождения сводит воедино образы утки/птицы, коровы, женщины [...] В этом реальном, вещественном символе переплетаются, очевидно, представления о женщине как рождающем начале; о женщине как связующем звене между предками и потомками, а посему и о женщине-птице, женщине-корове». Исследователь приводит цитату из своей предыдущей работы: «Перо и масло являются, по-видимому, синонимами женского начала; первый образ сохраняет в себе отголоски восприятия природного/хаотического мира, второй – культурного/космического, но тот и другой объединены идеей сотворения (птенцов, телят=детей))»[1:59].

Стихи наполнены чувством сыновней любви, несут в себе печаль. Мотиву одиночества, вызванного потерей самого любимого человека – матери – сопутствует холод, снег, зима. Осенью, провожая птиц на юг, лирический герой тоскует: «Как мама? Ладно ль крылья донесла?» Зимой, когда «вступает стужа в полные права», лирический герой снова страдает: «Как там мама-утка, / По за морем, жива ли, здорова?» Образ матери представлен у В. Ванюшева грустными, ностальгическими воспоминаниями взрослого мужчины. Мифологема перехода в инобытие реализует архаические представления о связи земного и потустороннего, жизни и смерти, что является краеугольным камнем любой мифологии.

Одухотворение образа матери приводит к тому, что поэт никогда не берется за ружье. Обожествление образа близкого человека призвано оберегать покой и здоровье родных людей. Поэт наделяет окружающий мир материнским присутствием. «Границы» присутствия образа матери расширяются от стихотворения к стихотворению в поэтическом мире В.Ванюшева. От земного, природного пространства она возносится к бесконечным далям Вселенной и Космоса. Если в первых произведениях поэта мы видим мать как конкретное лицо, наделенное нежностью, мудростью, жертвенностью («Мемисюлэм» («Мамино сердце»), «Мемигожтэт» («Мамино письмо»)), то в поэме «Удмурт Выжы книга» она уходит в вечность, становится частью мироздания. В своем творческом озарении поэт способен общаться с ней, и тогда он не чувствует одиночества ни в жизни, ни в творческих поисках. Он как истинный язычник верит в перевоплощение душ, которые наделены космическим сознанием.

Образ матери возведен В. Ванюшевым на вершину высших ценностей. Он помогает поэту жить и созидать. Космическое сознание служит связующим звеном между матерью и сыном.

6

Среди женских сакральных образов такой же функцией наделены Мать-Земля, Мать-Солнце, Мать-Гроза. Это триединство божественных сил создает опору мирозданию. Мать-Земля порождает всё живое, она хранит свои сокровища-знания, по которым можно «читать» священные страницы прошлого. Мать-Солнце – мифологически обобщенный образ самого Солнца и всего белого света. Мать-Солнце «держит небо на руках», всех обогревает и кормит. Мать-Солнце помогает своему сыну вовремя

всходить и заходить, в виде черной чаши идет перед ним, указывая дорогу. Мать-Гроза очищает Божий мир от скверны, нечистой силы, «Я и сам не раз проходил сквозь грозу, и врачевал мою душу ее очистительный воздух. Обновленная душа распускалась аленьким цветком на лугу, совсем таким, который расцвел рядом с дождевиками на траве Иднакар».

Строки, посвященные женщине, становятся у поэта опорными для рождения новых строк. Ванюшев-философ размышляет о месте и назначении человека, стремится постичь тайны мироздания («Высоко в небе место человеку!»«Да, человек полету обречен...»).

7

В поэме раскрывается особая духовная миссия поэта. Он чувствует огромную ответственность перед народом и его историей, отстаивает в искусстве гражданственность, необходимость служения высоким общественным идеалам, преданность своему призванию.

В 90-е годы XX века В.Ванюшев активно боролся за то, чтобы удмуртский язык получил статус государственного (наравне с русским языком). Как патриот своего народа В. Ванюшев в своих поэтических произведениях, научных работах, публицистике актуализировал читателю историю средневековых удмуртов, подоплеку «Мултанского дела», роль просветителей в формировании национального самосознания и культуры региона, проблемы современной жизни этноса. Творческая индивидуальность писателя выросла из мироощущения народа и корнями своими глубоко уходит в национальную почву. Его речь впитала в себя народную стихию слова, его особую образность и поэтичность. В ней слышны шум деревьев, журчание рек, пение птиц, в ней поэзия сливается с прозой. Писатель, выросший на своей малой родине (в Кизнерском районе), создает произведения в другой социокультурной среде – огромном городе, мире науки, техники, искусства (Ижевск, Москва). Важным для него является именно этот творческий поиск равновесия, чтобы принять одно и не оттолкнуть другое. Так с раннего творчества поэт пытается найти в себе и в окружающем мире связь, гармонию. Именно в первых сборниках стихов зазвучали пейзажные, патриотические, лирические мотивы, определившие направление его творческих поисков. В 1980-х годах стихи В. Ванюшева о родине приобретают глубокий эмоциональный накал и гражданский пафос. 90-е годы XX века – время новых надежд на национальное возрождение, время, когда по-новому стало осмысливаться отношение к собственной истории, культуре, языку. Оно нашло отражение в сборнике стихов «Шунды-Мумы» («Мать Солнца», 1990), в котором наметился поворот к проблемам этнической и гражданской идентичности, межэтнической солидарности, основанной на исторических традициях. Стихотворения «Мон удмурт» («Я удмурт»), «Крезь» («Гусли»), «Кузебай Гердлы» («Кузебаю Герду») стали хрестоматийными благодаря глубокому пафосу выражения этнического самосознания, в них органично соединены лирика и риторика. Межэтническая солидарность выражена в стихах «Ээстикеел» («Эстонский язык»), «Иньвадурын» («На берегу Иньвы»), «Башкир ныллы» («Башкирской девушке»), «Даурдунне. Радищев

Удмуртиын» («Голос эпохи. Радищев в Удмуртии») и реализуется не ущерб этничности как таковой, но вопреки ее консервативности, самоизоляции, ограниченности. Процесс консолидацииэтнических сообществ ведет к формированию гражданского общества. Символом дружбы, культурного диалога становится песня друзей, собравшихся за столом, угощаясь удмуртским национальным блюдом («Москва. Общежитие. Перепеч»). Каждый из них поет на своем языке (коми, тувинцы, уйгуры, кавказцы), но, сливаясь, они выражают идеи дружбы и солидарности. Именно в таких стихах проявляется единство автора как лирика, гражданина и народного поэта. Именно эти стихи наметили поворот в поэзии В. Ванюшева путь к соединению народности и философичности, национального и общечеловеческого, что позволило поэту выйти на всероссийский уровень. Его поэзия стремится к большим поэтическим обобщениям с помощью эпических образов, открытого лиризма и автобиографизма как особой формы передачи нравственных, религиозно-философских, эстетических концепций, в контексте новых жанрово-стилевых поисков. Жизненный опыт, литературное мастерство, научные труды в области литературоведения выдвинули его в число лидеров удмуртской поэзии. Тема традиционной культуры народа осмысляется им в единстве с научными открытиями (история, этнография, археология, литературоведение, языкознание). Лирический герой обеспокоен судьбой всей планеты, проблемы границ человеческого бытия и свободы духа обретают общегуманистическое и даже космическое звучание.

Об этом свидетельствует и анализируемая поэма «Удмурт Выжы Книга. (Иднакарын)». Она плод авторского творчества, соединенного с научно-исследовательской работой и художественно-эстетическим воплощением теоретических концепций. Поэт-ученый создал богатырскую поэму, которая отражает современные процессы национальной идентификации. Мифологические образы отражают идеи и задачи современного поэту общества. Связь древних мифологических представлений и современной удмуртской литературы налицо, однако трансформация мифа значительно модернизируется, отражая проблемы нашего времени. Развивая в своем творчестве темы и стилистические особенности эпоса, он трактует их в духе гражданственности и возрождения культа героев. Это прекрасный образец книжной (литературной) формы удмуртского героического эпоса.

8

Когда-то жрец благословил Идну-батыра Великой Книгой – «народу Уд она давала счастье». Но она сгорела в огне. Лирический герой скорбит по поводу уничтожения Священной Книги и просит прощение за это у Кылдысина. Разрушено святилище на Иднакаре, но есть надежда, что «Новое святилище задышит» в Молитве Силы, возвращая былое, наступит новая пора для всех удмуртов. Выступая от имени народа, лирический герой приступает к строительству на Иднакаре молельни, ему силы добавляют «сосны на бору». Ему помогает также лебедь – священная птица удмуртов. После своей смерти Идна-батыр превратился в лебедя, который служит медиатором между людьми и богами, между прошлым и настоящим:

Тут лебедь небо крыльями обнял,
В Молитве Силы – силу восполнял
И этой Силой землю оделял,
В сегодня, в наше возвращал былое.
Тут лебедь небо крыльями обнял –
И в том моя удача с куалою.

Поэт верит в возрождение духовных ценностей народа, его прекрасное будущее:

И все удмурты, сколько их ни есть,
Храня заветы прошлого, как честь,
Воспримут, словно дар, благую весть:
Вернулась, вновь Молитва Силы с нами!
Покуда мы сплетаемся корнями –
Нас не склонить в ярмо и не известь!

В. Ванюшев по праву наследника распоряжается многовековым опытом соотечественников. Духовное родство поколений – один из аспектов темы родины как объекта художественного исследования, предпринятого автором. Люди ушли, как и века. Но опыт их остался. Он принят. Принят как наказ. И передается как завет. Так осуществляется связь времен и поколений. Осмысление и интерпретация духовного опыта удмуртов одним из талантливых его представителей делает поэму достоянием российской и европейской литературы.

А. С. Зуева,
Доктор филологических наук, профессор
лауреат Государственной премии Удмуртской Республики,
член союза писателей России,
член Финского литературного общества (Хельсинки)
действительный член Международной исторической академии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владыкина Т. Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. – Ижевск, 2004. – С. 54–66.
2. Зуева А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. – Ижевск, 1997. – 371 с.
3. Иванова М. Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998. – 291 с.
4. Шутова Н. И. Гора в обрядах и мифологии удмуртов // Новые исследования по сред-

Пуштросэз
Француз кылын
Содержание

Удмурт Выжы Книга (Иднакарын).....
Le livre des raciness des oudmourths.....
Как будто Книга Бытия.....
В. М. Ванюшев.....

Литературно-художественное издание

Ванюшев Василий Михайлович
Как будто Книга Бытия
поэма

Редактор-составитель В. М. Ванюшев
Редактор французского текста
Художник В. И. Михайлов
Художественный редактор Ю. Н. Лобанов
Технический редактор В. Ф. Песоцкая
Оператор компьютерной верстки А. В. Михайлов

Подписано в печать 04.12 Формат 60x84
Печать офсетная. Усл. печ. л____. Уч. -изд. л.____
Тираж 200 экз. Заказ №
Издательство «Удмуртский университет».
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4